

С/А/12
А.40

БИБЛИОТЕКА ЛОБНА

АКОП
АКОПЯН

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

основана
М. ГОРЬКИМ

МАЛАЯ СЕРИЯ
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

ленинград

ленинград

1 9 6 1

АКОП АКОПЯН

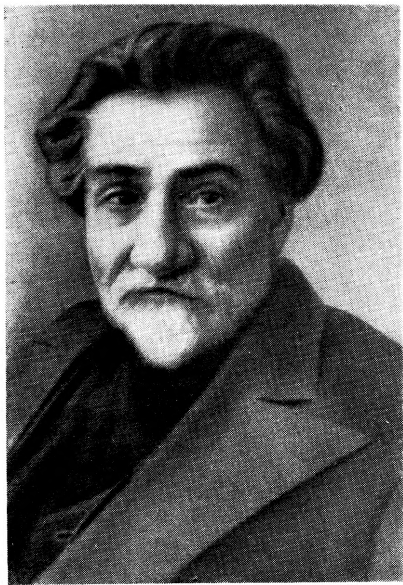
СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

*Вступительная статья,
подготовки текста и примечания
А. Салахьяна*

советский
писатель

Акоп Акопян (1866—1937) — талантливый зачинатель армянской пролетарской поэзии. Поэт-большевик, Акоп Акопян был пламенным певцом русской революции. Вся его общественная и литературная деятельность неразрывно связана с героической борьбой многонационального пролетариата Закавказья за новую, социалистическую действительность. Многие стихотворения и поэмы Акопяна вошли в учебники и хрестоматии как образцы истинно народной, революционной поэзии.

АКОП АКОПЯН

Поэтическое наследие Акопа Акопяна — зачинателя армянской революционной, пролетарской литературы — пользуется в нашей стране широкой известностью. Еще в 1928 году А. В. Луначарский, лично хорошо знавший поэта, писал о нем: «Он пережил один из лучших периодов в истории пролетариата и сумел откликнуться на этот период своими трепетными и вместе с тем мужественными песнями... Влияние его поэзии давно уже стало переходить за границу Армении...»

Стихи и поэмы А. Акопяна изданы на многих языках народов Советского Союза, они печатались на страницах газет и журналов Франции и Германии и завоевали любовь и признание миллионов читателей. Ромен Роллан писал 20 мая 1933 года переводчику Акопяна на французский язык М. А. Ингберу: «Ваш перевод поэм Акопяна меня очень заинтересовал. Это именно такие эпические песни, какие — я этого ждал — вызовет к жизни ваша Великая революция. На армянском языке это должно быть мощной музыкой».

Литературная деятельность А. Акопяна, продолжавшаяся свыше сорока лет, была неразрывно связана с борьбой трудящихся Закавказья про-

тив национального и социального гнета, за новый, социалистический общественный строй. «Для меня литература и революция, — писал Акопян в 1935 году, — всегда шли рука об руку, в тесном единстве». Тяжелая, полная испытаний и всегда по-большевистски целеустремленная жизнь Акопа Акопяна, его призывная боевая поэзия убеждают в том, что страстный поэт и пламенный революционер слились в нем воедино, являя собой замечательный пример бескорыстного служения народу и искусству.

1

Акоп Акопян родился 29 мая 1866 года в городе Гяндже (Елисаветполе, ныне Кировабаде Азербайджанской ССР). Отец его, Цакан, был свинопасом в селении Талыш Нагорного Карабаха. Много лет он пас свиней родного дяди — сельского богатея, подвергаясь постоянным надругательствам. Когда стало совсем невозможно, Цакан бежал в Гянджу, в надежде обучиться какому-нибудь ремеслу. Работая некоторое время по найму у разных хозяев, он в конце концов осуществил свое давнее желание — стал рабочим-чувячником. Цакан мечтал о такой же «карьере» для сына. Но судьба Акопа сложилась иначе. Семи лет он попал в «школу» некой Цови-ази, женщины крайне невежественной и притом своеправной и жестокой. Она почти не утруждала своих воспитанников занятиями, но зато охотно использовала их труд в своем небольшом домаш-

нем хозяйстве. Проучившись так менее года, Акопян перешел в церковноприходскую школу. Собственно, эта последняя мало чем отличалась от «школы» Цови-ази. Правда, здесь преподавали и родной язык, и геометрию, и биологию, но и в этой школе господствовал все тот же культ грубого насилия, бесцеремонного глумления над человеком. Однажды за незначительный проступок — опоздание на урок — Акопян был вызван к инспектору и подвергнут телесному наказанию. «С этого момента, — вспоминает Акопян, — я возненавидел церковную школу с «образованными» и «свободомыслящими» преподавателями и перестал посещать ее». Отец пытается уговорить сына «податься либо в купцы, либо в священники». Но Акоп думает о другом — о настоящей учебе, о таинственном и привлекательном мире знаний. И в 1879 году впервые ему улыбнулось счастье: он был принят на казенный счет в городскую гимназию.

Годы учения в гимназии (1879—1886), как пишет сам Акопян, открыли ему глаза. Мысль юноши уже не просто останавливается на противоречиях жизни, а пытается проникнуть в сущность наблюдаемых фактов и событий и разобраться в них. Духовному росту гимназиста Акопяна способствует внимательное чтение передовой русской и армянской литературы. Свободолюбивый дух поэзии Пушкина и Лермонтова, гуманистический характер произведений Тургенева, революционный демократизм Некрасова, разоблачительный пафос книг Льва Толстого

оказывают все большее и большее воздействие на формирующиеся взгляды юного Акопяна. Одновременно он знакомится с творчеством передовых армянских писателей, и прежде всего Хачатура Абовяна, Рафаела Патканяна, Микаела Налбандяна, Раффи, Церенца, Газароса Агаяна, с произведениями тогда еще совсем молодого Александра Ширванзаде.

«Дневники» Акопяна, которые он вел в последние гимназические годы, свидетельствуют о том, что он разделял мысль об огромной общественно-преобразующей роли искусства и литературы. В этой связи понятны увлечение Акопяна эстетическими идеями Белинского и Чернышевского, его глубокий интерес к таким деятелям армянской литературы, как Микаел Налбандян и Раффи.

Профессиональный революционер, поэт, критик и публицист М. Налбандян (1829—1866) был властителем дум вольнолюбивой армянской молодежи. Имя Налбандяна было для нее символом самоотверженного служения народу. Таким принял Налбандяна и Акопян. Еще девятилетним мальчиком он впервые услышал переложенные на музыку пламенные строки стихотворения Налбандяна «Свобода»:

Свобода! — и пускай враги
Ждут, гибелью грозя!
Пускай огонь, пускай ни зги,
Пускай ревет гроза!

До виселичного столба
Я руки к ней тяну,
Свободу милую любя.
Одну ее, одну.

(Перевод П. Антокольского)

«Тогда я впервые почувствовал, — пишет Акопян, — как прозрела моя душа, — и я полюбил свободу, вдохновился ее высокой красотой...»

Будучи гимназистом третьего класса, Акопян раздобыл фотографию любимого поэта, искусно обрамленную текстом стихотворения «Свобода». Он переписал эти стихи — «и навсегда полюбил Налбандяна». Образ бесстрашного борца с самодержавием, узника Петропавловской крепости, стал для Акопяна великим примером. Судьба Налбандяна, погибшего в ссылке, напоминала о тех муках и лишениях, которые подстерегали каждого, кто подымался на борьбу за счастье народа.

С великой любовью к рыцарям свободы пришла жгучая ненависть к их палачам. «Впервые, — вспоминает Акопян, — я услышал тогда слово «жандарм». И с того времени оно стало для меня и ненавистным, и презренным».

В 1885 году в гянджинской гимназии возник нелегальный ученический кружок, в который вошли в основном учащиеся старших классов. Акопян, тогда еще ученик пятого класса, в порядке исключения был принят в кружок и вскоре стал активным его участником. На одном из заседаний он выступил с рефератом о земельном вопросе

в Турецкой Армении. Товарищи по кружку советовали Акопяну использовать знаменитую работу М. Налбандяна «Земледелие как верный путь». Однако достать эту запрещенную книгу в Гяндже было невозможно. Тогда Акопян обратился к другому источнику — к патриотическим романам искреннего почитателя Налбандяна — Раффи (1835—1888), творчество которого, посвященное борьбе армянского народа за национальную независимость, пользовалось в 80-е годы огромной популярностью. Так с первых же самостоятельных шагов в жизни Акопян встретился с двумя крупнейшими деятелями армянской литературы XIX века.

Но это было только начало. Подлинным учителем, наставником, вдохновителем поэта стала жизнь трудового народа, его революционная борьба против угнетателей и поработителей.

2

В конце 1885 года по распоряжению реакционного министра просвещения Делянова были закрыты армянские школы. Этот шаг царского правительства вызвал законное возмущение армянской общественности. Гимназист Акопян по своему откликнулся на позорное решение властей — он написал стихотворение-прокламацию «Черный ворон», которое вскоре попало в руки начальства. Тем самым участь автора «возмутительных» стихов, осуждавших министра Делянова и самого царя Александра III, была предре-

шена: в начале 1886 года Акопяна исключили из гимназии. Оставив родной город, Акопян уезжает в Тифлис, где некоторое время работает аптекарским учеником.

Менее чем через год Акопян переезжает в Баку. Здесь ему пришлось работать чернорабочим, табельщиком, конторщиком, кассиром на механическом заводе «Вулкан». Почти семилетнее — с 1887 по 1893 год — пребывание в крупнейшем промышленном центре Закавказья оставило глубокий след в сознании Акопяна, помогло ему лучше узнать жизнь и быт рабочих, глубже почувствовать силу и величие пролетарской солидарности. В Баку будущий поэт на себе самом испытал всю жестокость и бесчеловечность капиталистической эксплуатации. «Но я, — вспоминает Акопян, — не лег на ту наковальню, по которой бьет хозяин, а хотел быть молотом, который бьет по наковальне — по своему хозяину...» Именно в эти годы Акопян накапливал тот «сырой материал», из которого он создавал впоследствии свои революционные стихи и поэмы.

В 1893 году, в десятой книжке армянского прогрессивного журнала «Мурч» («Молот»), издававшегося в Тифлисе, было напечатано стихотворение Акопяна «Обет дружбы», написанное им еще в 1889 году. Это было первое произведение молодого поэта, появившееся в печати. Вслед за ним на страницах того же «Мурча» увидели свет другие стихи, а затем и статьи Акопяна (среди последних выделяется статья 1894 года «Коллективное страхование рабочих в России от

несчастливых случаев», рисуя картину жестокой эксплуатации рабочих капиталистами). Популярность Акопяна быстро растет.

В 1894 году по предложению редакции журнала «Мурч», во главе которого стоял известный в свое время армянский общественный деятель и журналист А. Арасханян, Акопян возвращается в Тифлис и целиком отдается революционной и литературной работе. Едва оказавшись в Тифлисе, Акопян организовал группу революционной молодежи и руководил ею в течение нескольких месяцев. Летом 1894 года Акопян был арестован и посажен в Метехский замок. После двухмесячного заключения поэт был выслан в Гянджу, но в 1895 году вновь вернулся в Тифлис и поступил работать на механический завод в качестве бухгалтера.

Написанные за это время произведения, большей частью опубликованные в журнале «Мурч», и составили первый поэтический сборник Акопяна («Стихотворения»), вышедший в 1899 году. Исследователь творчества А. Акопяна армянский литературовед Ас. Асатрян справедливо отмечает, что «Стихотворения» вызвали «яростную полемику в тогдашней армянской критике». Так, например, литературный обозреватель газеты «Нор дар» М. Берберян дал резко отрицательную оценку стихам Акопяна, отказав молодому поэту в сколько-нибудь заметном таланте. С защитой Акопяна в той же газете выступил Манук Абебян, впоследствии один из крупнейших ученых-филологов Советской Армении. «Разумеется, —

писал Абегиан, — в книжку вошли и слабые вещи, но есть в ней и такие новые, самобытные произведения, подобных которым мы еще не встречали в нашей литературе». М. Абегиан особо отметил присущую первому сборнику Акопяна «свежесть чувств и идей».

С чего же начинал Акопян, какие мысли, чувства, настроения выражены в первых стихах молодого поэта? Принято считать, что ранние произведения Акопяна носят явно подражательный характер и тематически распадаются на три группы: стихи о любви, стихи на сельские мотивы, стихи о призвании и назначении поэта. Такая классификация лишь приблизительно и, конечно, схематично отражает картину творческих исканий и интересов молодого поэта, а главное — она искусственно обедняет жизненное содержание многих его стихотворений. В самом деле, только ли о безответной, трагической любви написаны, например, такие стихотворения Акопяна, как «Обет дружбы» (1889), «Вновь ей...» (1894), «Я понимаю» (1894), «Эскизы» (1896), «Я на рассвете юных дней...» (1896)? В этих стихотворениях можно обнаружить обычные для армянской лирики конца прошлого века мотивы тоски по любимой, горечи разочарования, восторженного преклонения перед женской красотой, однако в них выражена и та свежесть чувств и идей, которую отмечал М. Абегиан. Признаки времени, реальной действительности присутствуют в самых, казалось бы, личных, интимных стихотворениях поэта. Так, стихотворение «Обет

дружбы», обращенное к любимой, содержит строки, придающие ему определенное общественное звучание:

...Воодушевлен дыханьем розы,
Помня о тебе,
Стану осушать страдальцам слезы,
Выстою в борьбе.

Пусть питает вечно роза милой
Мужество борца,
Чтоб готовность к подвигу хранило
Сердце до конца.

(Перевод В. Потаповой)

Этот лирический герой ранней поэзии Акопяна, как бы он ни грустил и ни тосковал, не испытывает гнетущего чувства безнадежности, отчаяния. Для того чтобы выстоять в неравном споре с «судьбой-мачехой», чтобы выдержать коварные удары «жестокой любви», поэт обращается к жизни, полной еще не познанных противоречий, к образу страдающей в рабстве родины:

Я на рассвете юных дней
Запел однажды о любви.
Та песня родилась в крови.
Тоска и боль звучали в ней...

Но ты молчала. Не пришлось
Душе услышать отзыв твой.
Лишь эхо гор отозвалось
И полетело над землей.

Ах, этот отзвук будет жить
В моей груди до склона дней.
Соединила эта нить
Меня с отчизною моей.

(«Песня»)

Перевод И. Сельвинского)

В одних стихотворениях связь молодого поэта с жизнью выражена прямо, непосредственно, с помощью реалистических образов, предельно конкретных картин, в других — она «скрыта» под традиционными поэтическими формулами, подчас заимствованными у разных авторов.

Более всего молодому Акопяну удаются сюжетные стихотворения, посвященные тяжелой доле армянских тружеников («Картинки», 1895; «Собака курда», 1895; «Тетушка Сапет», 1896; «Сельская баллада», 1898; «Страхи крестьянина», 1899, и др.). Невыдуманные, бесхитростные и правдивые «истории» лежат в основе этих произведений.

Глубокое сострадание вызывает трагическая судьба деревенского паренька Каро, приехавшего в большой город на заработки. Он нанялся к «богачу-ага» дворником, недоедал, недосыпал, мечтал собрать немного денег, чтобы вернуться в родной дом, расплатиться с долгами и жениться на любимой девушке Маро. Но мечтам юноши не суждено было сбыться: Маро из-за долгов попала в гарем к беку, и Каро, не вынеся этого, покончил с собой, бросившись в реку («Картинки»).

Страшной была в старой армянской деревне власть предрассудков. Их жертвой стал и бедняк

Оган, уверовавший в примету, будто вой собаки предвещает его неизбежную смерть («Сельская баллада»). Акопян разнообразен в выборе поэтических средств, в толковании и решении близких сюжетов и тем. Так, в стихотворении «Страхи крестьянина» поэт явно ориентируется на крестьянский фольклор, наполняя старую форму новым содержанием. Поначалу здесь также идет речь о суеверии: ворон — вестник несчастий. Однако не это главное. Поэта волнует судьба крестьянина, которого всюду «сторожат беды»:

Что день, тревогу сердце бьет:
За горем горя пахарь ждет.
Твое мне карканье всегда
Беду несет:

Подует ветер — сохнет сад.
На небе туча — ливень? град?
Или несется саранча? —
Повсюду беды сторожат.

Кружа над кровлею худой,
С какою новою бедой
Ко мне опять ты прилетел,
Несчастий вестник, ворон злой?

(Перевод А. Глобы)

С самого начала своей литературной деятельности Акопян обращался к массовому читателю, и потому стихи его, как правило, очень просты по форме, поэт пользуется каноническими разме-

рами, точной рифмой. Таковы стихотворения «Честь и труд» (1895), «Маски» (1897), «Рубенику» (1898), «Жуткая тоска» (1898), «Весенние мотивы» (1898), «Велико наше горе, печаль беспредельна...» (1899), свидетельствующие о расширении круга интересов и наблюдений поэта. Он пишет об эгоизме и лицемерии сытых и высоким благородстве простых людей, о красоте родительского чувства, о счастье подлинном, что дается в тяжелом труде, и счастье мнимом, о путях преодоления «жуткой тоски» в отношении к миру, о буйном пробуждении природы и неудержимом наступлении весны, о призвании поэта верить своей лире народную заботу, песней зажигать в народе надежду. Эти мотивы получают свое дальнейшее развитие в стихотворениях «Всякий раз» (1902), «Зов народа» (1902), «Пропавшая истина» (1903), «Начало весны» (1904) и др. Душа рабочего поэта полна радостных надежд и предчувствий:

И для нас этот радостный день настает —
Новых сил и весенних надежд пробужденье.
Мы отпраздновать рады, весна, твой приход:
Ты для нас
Вечно новый исток вдохновенья.

*(«Начало весны»
Перевод В. Бугаевского)*

Эти строки были написаны Акопяном в 1904 году, когда он вступил в ряды большевистской партии и на всю жизнь связал свою судьбу рабо-

чего поэта с борьбой коммунистов за счастливое будущее народа. Отныне, говоря словами Аветика Исаакяна, «революция и социализм стали религией, пафосом всей жизни Акопяна». В своих «Воспоминаниях» А. Исаакян рассказывает об одном примечательном случае, имевшем место в октябре 1905 года. «Я приехал из Александрополя, — вспоминает Исаакян, — поздно ночью в Тифлис. Бродил по Дворцовой улице и стучался во все гостиницы, чтобы найти приют: но перепуганные хозяева никого не пускали.

У меня был родственник, который жил на левом берегу Куры, но я не решался пройти через мост: говорили, что на мосту прохожих обыскивают патрули.

Растерянно стоял я на улице и неожиданно увидел Акопяна.

— Что ты тут делаешь? — сказал он. — Иди домой, опасно сейчас на улицах.

Я обрисовал ему свое положение.

— Очень жалею, что не могу дать тебе приют: у меня дом полон родственников. Лучше я поведу тебя к одному своему соотечественнику, гянджинцу. Он хороший человек.

Пришли на Абасабадскую площадь; меня радушно приняли хозяева — это была семья ремесленника.

Я был в подавленном состоянии, безнадежно смотрел на будущее.

Акопян ободрял меня, твердая уверенность звучала в его словах:

— Не падай духом. Придет срок — революция

победит, рабочий класс силен: будущее принадлежит нам.

Мы расстались с ним поздно ночью. Я остался один, но его вера укрепила меня. Я был покорен цельностью его убеждений, его стойкостью, непоколебимостью. В эту ночь он очень вырос в моих глазах: я понял, как глубоко он искренен в своих стихах».

Цельность убеждений, стойкость и непоколебимость, подлинно народный оптимизм — таковы были неизменные качества революционного творчества Акопа Акопяна, ветерана армянской пролетарской литературы.

3

В 1906 и 1907 годах в издании Закавказского комитета РСДРП(б) в Тифлисе вышли два сборника стихов Акопа Акопяна — «Песни труда» и «Революционные песни». Многие из вошедших в эти книги произведений впервые были напечатаны в закавказских газетах ленинско-искровского направления — «Борьба», «Борьба пролетариата», «Искра» и др. — в 1905—1907 годах. «Революционные песни» появились под псевдонимом «Пролетарий». На обложке сборника стояли крылатые слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», впервые предварявшие изданную на армянском языке книгу стихов.

Первая русская революция поставила литературы всех народов, населявших Россию, перед новыми историческими вопросами. Армянские

*

писатели не остались — и не могли остаться — безучастными к событию огромной исторической важности, каким была революция.

Великий Туманян поднял голос протеста против царских властей, пытавшихся натравить друг на друга закавказские народы. Разъезжая по армянским и азербайджанским селам, Туманян разоблачал политику царизма и призывал народы Закавказья крепить дружбу и братство, помогать русским братьям в их революционной борьбе против самодержавия.

Выдающийся армянский романист Александр Ширванзаде в 1905 году написал рассказ «Брагоубийца», полный глубокого сочувствия революционной борьбе рабочих. В другом рассказе — «Ухо еврея» — писатель заклеил позором погромщиков-черносотенцев. Очевидец московского вооруженного восстания, поэт Александр Цатурян по свежим следам событий создал одно из лучших своих произведений — стихотворение «Колыбельная работницы», исполненное веры в «новую жизнь».

Собственно в дни революции начинается творческая биография Ваана Терьяна, впоследствии одного из крупнейших армянских лириков. Он чутко прислушивался к жизни, старался объяснить смысл происходящих событий, и в его стихах все явственнее стали звучать мотивы веры и надежды. После поражения революции, когда наступил «кровавый пир» ее палачей, Терьян не изменил высоким идеалам свободы. Перед мысленным взором поэта вставали образы подлинных

героев, готовых к новым битвам. Именно об этом написаны стихотворение Терьяна «На каторге», а также великолепный поэтический реквием «С зарей на эшафот поднялся он...»

Жизненно важные проблемы, поставленные революцией 1905—1907 годов, нашли отражение и в творчестве писателя-демократа Вртанеса Папазяна (рассказы «Мгла», «Дракон»), и в произведениях западноармянского литератора Арпиара Арпиаряна (рассказ «Доколе?», повесть «Золотой браслет»), и в широко известном рассказе Аветика Исаакяна о народном заступнике и храбром вожаке крестьянских масс Шакро Валишвили.

Все бóльшей популярностью начинают пользоваться в эти годы произведения пионеров армянской пролетарской литературы — прозаиков Мадата Петросяна, Мовсеса Арази, Маро Зурабян, драматурга Анушавана Варданяна и др. Период исключительного творческого подъема переживает талантливая армянская поэтесса Шушаник Кургиян. Непосредственное общение поэтессы с трудящимися (Кургиян несколько лет жила в Ростове-на-Дону, где участвовала в первомайской демонстрации рабочих в 1905 году) придало ее творчеству, на первых порах камерному и подражательному, революционный характер. Такие произведения Кургиян, как «Рабочие», «Орел», «Песня рабочего», «Армянским рабочим», вошедшие в книгу ее стихов «Перезвоны зари» (1907), звучали боевыми призывами к борьбе против царского самодержавия. Памяти погибших героев революции посвящено стихотворение «Из декабря-

ских дней»; беспощадное осуждение палачей, потопивших в крови революцию, гневное проклятие верным союзникам царских сатрапов — священнослужителям — звучат в стихотворениях «Гасите люстры» и «Убери свой крест». «Бурными днями возрождения» назвала Кургинян время битв пролетариата за новую Россию, ставшую, по словам поэтессы, родиной гражданских мотивов ее поэзии. В понимании характера исторических событий 1905—1907 годов, в стремлении как можно ярче рассказать о них впечатляющим поэтическим словом Кургинян ближе всех стояла к Акопу Акопяну — мужественному певцу первой русской революции.

Стихотворения Акопяна, составившие сборники «Песни труда» и «Революционные песни», явились живым откликом на разгоревшуюся борьбу пролетариата. Они определили новый для армянской литературы круг тем, отразили стремительный рост революционной сознательности трудящихся масс.

Герой поэзии Акопяна — это рабочий человек, поднявшийся до понимания творческого характера своего труда, твердо избравший в жизни путь революционной борьбы. Поэт воспекает подвиг и мужество простых людей, ибо видит он теперь дальше и шире, в стихах его все сильнее звучат мажорные, маршевые интонации. Это был качественно новый этап в развитии творчества Акопяна. И конечно же, он был обусловлен огромным жизненным опытом, приобретенным поэтом в годы первой русской революции.

После вступления в 1904 году в ряды большевистской партии Акопян развернул бурную революционную деятельность. Он вел агитационно-пропагандистскую работу среди наборщиков тифлисской типографии «Гермес», переводил прокламации Кавказского союзного комитета РСДРП на армянский язык, собирал деньги для Красного Креста, читал рабочим статьи из большевистской газеты «Вперед», распространял листовки Союзного комитета, выступал на дискуссиях против меньшевиков и эсеров, предоставлял свою квартиру для большевистских собраний и сходок.

По поручению Союзного комитета в июле 1906 года Акопян ездил в Гянджу, где для типографских рабочих сделал доклад о Третьем партийном съезде. В апреле 1906 года вместе со Степаном Шаумяном и другими большевиками Акопян начал издавать армянскую газету «Кайц» («Искра»), которая вела решительную и последовательную борьбу против буржуазно-националистической идеологии матерых врагов армянского народа — дашнаков. Статьи из этой газеты, в виде отдельных брошюр, издавались под общим названием «Рабочая библиотека». Акопян был организатором этой библиотеки. «10 000 экземпляров брошюр, — вспоминает Акопян в своей «Автобиографии», — было разослано в разные города, и это немало способствовало распространению большевистских идей среди армянских рабочих и крестьян на Кавказе».

Именно в это время установилась прочная дружба поэта с наиболее сознательной частью

закавказского пролетариата, с его признанными руководителями — Степаном Шаумяном, Михой Цхакая, Богданом Кнунянцем и др. Эта крепнувшая изо дня в день связь Акопяна с революционным рабочим классом, участие поэта в героической борьбе народа против самодержавия помогли ему преодолеть некоторую ограниченность собственного мировоззрения и подняться до уровня подлинно новой революционной поэзии, стать поэтом-трибуном, поэтом-большевиком. Вспомним раннее стихотворение Акопяна «Велико наше горе, печаль беспредельна...». В нем немало сильных, выразительных строк о жестокой эксплуатации товарищей по классу, о долге поэтов настроить честную лиру, чтобы песней помочь воспрянуть «душе горемыки», и т. д. Но вместе с тем поэт обнаруживает политическую наивность, незрелость, когда пишет:

Что же! Выдержим всё, переждем молчаливо,
Перетерпим — иные придут времена.

(Перевод С. Шервинского)

Или стихотворение «Честь и труд» (1895), пользовавшееся в свое время исключительной популярностью у армянских читателей:

Я был еще дитя, когда
Отец, согбенный от труда,
Учил меня, что в мире есть
Одно святое слово — «честь».

Когда я книги стал читать,
Однажды мне сказала мать,
Что путь мой в жизни будет крут,
Что должен полюбить я «труд».

Я в школе пробыл мало лет —
Для бедняка там места нет...
И по велению отца
Стал подмастерьем кузнеца.

С тех пор мой тяжкий молот бьет,
И жжет чело горячий пот,
И дни тяжелые идут,
Но всё я помню: «честь» и «труд»,
«Честь» и «труд»!

(Перевод М. Павловой)

Здесь рассказана типичная биография трудовой семьи, с ее заботами, надеждами, мечтами, с ее верностью высоким нравственным принципам. Написанное в лучших традициях армянской демократической поэзии, стихотворение это не случайно обратило на себя внимание выдающегося армянского писателя и педагога прошлого века Газароса Агаяна. Спустя десять лет, в дни первой русской революции, в замечательной «Песне кузнеца» Акопян вновь обращается к образам стихотворения «Честь и труд». Но теперь прежний обездоленный подмастерье — уже возмужавший кузнец, который верит в свой завтрашний день и знает, что быть ему — подлинным владыкой мира.

Труд и борьба пролетариата впервые предстали в поэзии Акопяна в неразрывном единстве: труд — как великое, организующее начало, как могучее средство воспитания революционного духа народа; борьба — как единственно верный путь полного раскрепощения труда и человека:

Товарищ, бей, ударь сплеча!
Ударь со всюю силой,
Чтоб сталь, светла и горяча,
Согрела мрак унылый.

Чтоб не напрасно пот бежал,
Рождая крепость стали,
Чтоб день над тьмою ночи встал,
Чтоб искры солнцем стали!

Ударь, товарищ, крепче бей!
Смотри: уходят беды —
Навек уходит тьма ночей,
Куется день победы!

(«Песня кузнеца»

Перевод А. Глобы)

По стихотворениям Акопяна эпохи первой революции можно судить о росте политической сознательности закавказского пролетариата, о сложностях и трудностях его борьбы с буржуазией за социалистическое переустройство общества, о силе того положительного влияния, которое оказывали трудящиеся массы на искусство. Поэт получил в революции свое боевое креще-

ние вместе с народом, оттого так непосредственны, идейно целенаправленны, конкретны и выразительны его стихотворения «Рабочий он и — властелин», «Мой мир», «Еще удар», «Революция», «Два соперника», «Я вам говорю: близко время, когда...», «Буржуям», «Первомайская песня», «Умерли, но не пропали», «Пролетариату», «Привет тебе, солнце!», «И снова я встаю...», «Девятый вал» и другие, передающие атмосферу острейшей борьбы классов и партий, правдиво рисующие социально-политическую жизнь страны.

В этих стихотворениях автор занимает всегда четкую, подлинно революционную позицию, он оценивает явления и события с точки зрения классовых интересов поднявшегося на борьбу трудового народа. Когда 17 октября 1905 года Николай II под напором революционного движения вынужден был опубликовать манифест о созыве законодательной Государственной думы с участием представителей рабочих и крестьян, только большевики, возглавляемые Лениным, разгадали подлинную сущность маневра царского правительства, стремившегося выиграть время, чтобы мобилизовать силы для разгрома революции. Дата издания манифеста — 17 октября 1905 года — поставлена под знаменитым стихотворением Акопяна «Еще удар». Как быстро и вместе с тем как точно, по-большевистски откликнулся поэт на событие! Известно, что в эти дни Акопян по поручению партии выступал на открытых митингах в рабочих районах

Тифлиса и читал пламенные строки своего стихотворного призыва:

Царь о пощаде молит нас?
Не стать бы жертвой нам сейчас!
Теперь, когда борьбы разгар,
Еще удар, еще удар,

Еще удар, чтоб трон царя
Стал прахом и взошла заря!

(Перевод А. Гатова)

Нет ничего неожиданного в том, что именно в пору революционного подъема 1905—1907 годов обогащается и даже обновляется арсенал художественных средств и приемов Акопяна. Ведь он вынес свою поэзию «на улицу, в толпу, в народ» и во всеуслышание заявил:

... Не надо мне заоблачного рая,
Тебя, моя земля, я выбираю.

(«Мой мир»)

Перевод З. Миркиной)

Перед взором поэта встает величественная картина морской бури — «могучие волны взлетают на шхеры», он слышит раскаты грома — «вот в небе пальба и слепящие взрывы», наконец до слуха его доносится вопль роженицы — «стенает она, как сраженная львица» (стихотворение «Революция»).

Конечно, подобные образы встречались задолго до Аюкояна в поэзии разных народов и разных времен. Однако неоспоримо и то, что только в творчестве подлинно революционного поэта, певца жизни и борьбы рабочего класса, современника и участника огромного исторического события, каким была первая русская революция, традиционные поэтические образы, скрепленные единой идеей, могли явиться в новом эстетическом качестве.

Именно о таком новаторстве и можно говорить в связи со стихотворением «Революция». Вот его заключительные строфы:

Так было, товарищ мой, в час революции:
Два моря столкнулись, и буря взыграла.
Две силы столкнулись — и вот они бьются.
И молнии света стучатся в забрало
Тьмы.

Но вот отгремели и бури и грозы,
Нам ливень очистил небесные своды,
И в муках родился, и весел и розов,
Могучий ребенок — Свобода! Свобода! —
На прахе разбитой тюрьмы!

Товарищ, запомни, победа — в движении.
Свобода — дитя. Революция — мать.
Товарищ, клянись же в борьбе и в сраженьи
Грудью,
Грудью ее защищать!

(Перевод А. Безыменского)

Здесь явления природы сопоставлены с явлениями общественно-политической жизни, с ходом развития самой революции. Естественность и ясность поэтических средств служат в этом стихотворении раскрытию его главной идеи, воплощенной в образах Матери-революции и ее могучего ребенка — Свободы. Впервые в армянской поэзии образы «бури», «грома», «грозы», «ливня» и т. д. наполнились таким богатым революционным содержанием и прозвучали прямым откликом на горьковское «Пусть сильнее грянет буря!»

А вот другое стихотворение Акопяна, относящееся к тому же периоду, — «Два соперника». Поэт описывает спор двух заводских гудков: один олицетворяет мир угнетенных тружеников, другой — злую и жестокую силу власть имущих. Как и любая аллегория, это стихотворение вызывает определенное представление о явлениях реальной жизни. Оно рисует картину непримиримых классовых противоречий в буржуазно-помещичьем обществе и завершается смелым обращением к трудящимся массам:

И первый закончил упрямо и смело:
«Эй, будьте готовы! Тот день недалек,
Когда призовет нас к великому делу
Тревожный и радостный третий гудок!»

(Перевод М. Максимова)

Стихотворение с такой концовкой перестает быть простым иносказанием, традиционная поэтиче-

ская аллегория звучит как подлинно революционная, массовая песня.

Стихотворения Акопяна, написанные в 1905—1907 годах, свидетельствуют о разнообразии поэтических форм и средств, которыми он пользовался. Поэт создает и обличительные стихотворные памфлеты («Буржуям»), и боевые марши («Девятый вал»), и исполненные высокой патетики гимны («Пролетариату»), и революционные реквиемы («Умерли, но не пропали»). Все эти стихотворения роднит между собой выраженная в них вера в приход новой, радостной жизни. Составляя драгоценную часть литературного наследия Акопа Акопяна, эти произведения знаменовали целую эпоху в становлении армянской пролетарской литературы, литературы социалистического реализма. Им принадлежит почетное место в истории мировой пролетарской поэзии.

4

Поражение первой русской революции и наступившая вслед за этим столыпинская реакция вызвали известные идейные шатания среди художественной интеллигенции России, в том числе интеллигенции армянской. Настроения уныния, тоски, безысходности, мотивы разочарования проникли в поэзию Ваана Терьяна, Александра Цатуряна, Шушаник Кургинян и др. Потрясенные жестокой расправой самодержавия с героями революции, они тяжело переживали пораже-

ние народа, их терзали сомнения и противоречия, разобраться в которых им было не под силу.

Иное отношение к действительности было у Акопяна. Поэт-большевик, он сохранил революционную убежденность и оптимизм, решительно выступая против любой попытки оклеветать разбитую революцию и оправдать малодушие и предательство. В условиях жестокой реакции Акопян продолжает активную революционную деятельность. По поручению Организационного бюро большевиков Тифлиса он пишет воззвание об оказании материальной помощи товарищам, находившимся в ссылке и в тюрьмах (1906), распространяет нелегальную литературу среди солдат тифлисского гарнизона (1909), устраивает у себя на квартире экспедицию нелегальной газеты «Тифлисский пролетарий» (1910), пишет и выпускает первомайскую прокламацию (1911) и т. д. По словам Луначарского, «Акоп Акопян был в то время надежным революционным опорным пунктом у себя. Он оказывал бесчисленное количество революционных услуг подпольщикам и был крепко-накрепко связан с различными партийными центрами и группами в Петербурге и в эмиграции».

Летом 1911 года Акопян выехал за границу. Он побывал в Германии, Австрии, Франции, Бельгии, встречался с Михой Цхакая, А. В. Луначарским, Карлом Либкнехтом. Поэт выполнял важное партийное поручение, связанное с борьбой европейских и русских пролетариев за освобождение отважного революционера Камо

(С. А. Тер-Петросяна), заточенного в Метехский замок. Акопян передал А. В. Луначарскому и К. Либкнехту копии документов о мучениях и пытках, которым подвергался Камо. Вскоре эти материалы были опубликованы в газетах «Юманите» и «Форвертс».

Кипучую партийную деятельность Акопян сочетал с творческой работой, оставаясь на боевых позициях поэта-трибуна, поэта революции.

Рабочий класс, что в бой ведет народы,
Добьется Правды,
Света и Свободы.
Всей силой
Сердца моего
Я верю в это торжество...

(Перевод А. Безыменского)

Этим строкам из стихотворения «И снова я встаю...» (1907) вторят стихотворения «Люблю всей душой» (1909), «Песня труда» (1910), «В час борьбы» (1911), «Моим товарищам» (1912) и многие другие, отражающие неистребимую веру революционного рабочего класса в завтрашний день, в торжество справедливого народного дела.

Поэт вдохновенно славит подвиг боевых товарищей, их душевную красоту, мужество и стойкость бесстрашных дружинников, высоко державших знамя борьбы против самодержавия, не изменивших революции. Горечь поражений, виселицы и расстрелы, каторга и тюрьмы, предательские выпады ренегатствующего мещанства, живущего

«жизнью червей», не отравили сознания рабочего поэта, не надломили революционного пафоса его творчества. В 1911 году, в разгул реакции, Акопян пишет стихотворение «Этап»:

Скованы, идут на край земли.
Гордый взор их устремлен вперед.
Сколько б верст герои ни прошли
В знойный день в удушливой пыли,
Взор вперед!

Катится жемчужным градом пот
С их открытых лбов и впалых щек.
И от каждой капельки цветов
Вырастает, и земля цветет
Вдоль дорог.

Кто прошел по ним, тот твердо знал —
Грозен и непобедим народ!
Остановка и привал — Урал.
Всё вперед несется красный вал.
Всё вперед!

(Перевод А. Гатова)

Вперед, к новым рубежам классовых битв и сражений было устремлено все творчество поэта-революционера.

В 1909 году, в журнале «Гехарвест» («Искусство»), издававшемся в Тифлисе, были напечатаны две поэмы — «Новое утро» А. Акопяна и отрывки из «Абу-ала-Маари» А. Исаакяна, значение которых в истории армянской поэзии

трудно переоценить. Поэты одного поколения, А. Акопян и А. Исаакян с разных, а в иных случаях и с противоположных идейных позиций оценивали события современной им жизни. Это отмечалось чуть ли не всеми исследователями их творчества. Но не менее важно подчеркнуть и другое. Глубокая, искренняя любовь к трудовому народу, подлинная заинтересованность в его судьбах, стремление выразить сокровенные думы и чаяния простых людей, их боль и страдания, веру и надежды — эти мотивы были в одинаковой степени свойственны творчеству обоих поэтов. Разумеется, Исаакян прошел более сложный и более противоречивый путь развития, его дооктябрьское творчество испытало некоторое влияние мелкобуржуазных, индивидуалистических идей и настроений. Но нельзя при этом забывать и того, что события начала XX века — подъем революционного движения в России, рост классового самосознания трудящихся масс, дальнейшее обострение антагонистических противоречий общества — не прошли для Исаакяна бесследно, они расширили рамки духовного мира его лирического героя, обусловили новые гражданские темы его поэзии. Первая русская революция сделала Акопа Акопяна поэтом великой борьбы рабочего класса. Она же придала многим стихотворениям Исаакяна, написанным в этот период, боевой характер, обогатила и расширила их идейное содержание, вызвала к жизни огненные строки его знаменитого «Колокола свободы»:

Колокольная медь! Ты гуди величаво
От вершин непокорных горных громад,
Чтоб услышал тебя исполин среброглавый,
Задремавший в тумане седой Арарат.

Да гремит это медное гневное слово!
Пусть о мести всё шире и шире гудит.
Пусть от пламенного колокольного зова
Клятва дружбы народов в мире звучит.

От горы до горы, из долины в долину,
По приволью лугов, по раздолью нив,
Пусть от сердца к сердцу несется орлиный
Несмолкающий этот бунтарский призыв...

(Перевод Н. Тихонова)

Когда наступили годы реакции, Исаакян, тесно связанный с жизнью родного народа, с передовыми традициями армянской и мировой культуры, остался на прежних позициях, не изменив своим демократическим убеждениям. Об этом свидетельствует, в частности, и упомянутая выше поэма «Абу-ала-Маари». Правда, в ней можно встретить немало строк, навеянных философией скептицизма и отчаяния, однако главное в поэме — отрицание мира лжи и насилия, мира собственников и стяжателей, человеческих отношений, построенных на корысти и расчете. Не дружбу, не любовь, не верность отвергает Исаакян. Для него неприемлемы «дружба», покоящаяся на циническом эгоизме, «любовь», подмененная эро-

тикой, «верность», ставшая предметом купли и продажи.

Герой поэмы Исаакяна ненавидит общество подлецов и лицемеров, клеймит позором их «ничтожные и злые дела», он готов покинуть жизнь, людей, не отказываясь, однако, от поисков большой, настоящей правды. К источнику жизни, к символу самой высокой красоты — к солнцу — стремится караван Абу-ала-Маари. Так Исаакян выразил веру в человечество, и эта гуманистическая идея поэмы обеспечила ей огромный успех у современников. Но гуманизм Исаакяна был гуманизмом абстрактным, герой его поэмы — древнеарабский поэт и философ X—XI веков Абу-ала-Маари разоблачает *общечеловеческие* пороки и недостатки, и потому эта критика лишь в общей, в значительной мере отвлеченной форме соотносилась с конкретными фактами и явлениями российской действительности после поражения революции 1905 года.

Поэма же Акопяна «Новое утро», а также непосредственно примыкающие к ней поэмы «Красные волны» (1911) и «Равенство» (1916—1917), заметно уступая «Абу-ала-Маари» в художественном отношении, отличаются *конкретным* отображением жизни, рисуют широкую картину идейного возмужания и исторического вступления пролетариата на путь организованной революционной борьбы. Именно это имел в виду А. Исаакян, писавший в воспоминаниях об Акопяне: «Поэма «Новое утро» мне очень понравилась. В лирической форме Акопян художествен-

но-конкретно отобразил мир своих идей. Эта поэма была социалистическим первенцем в нашей литературе».

«Новое утро» — самое значительное произведение Акопяна, оно заслужило высокую оценку Степана Шаумяна и Сурена Спандаряна, внимательно следивших за творчеством рабочего поэта. «Один экземпляр поэмы «Новое утро», — вспоминает Акопян, — который я послал в Баку на разбор Шаумяну (это было в 1910 году. — А. С.), изукрашен на полях драгоценными замечаниями Степана... Если бы собрать воедино все его написанные химическим карандашом замечания и мнения относительно «Нового утра», из них можно было бы составить увесистый томик литературно-художественной критики». Большевику-ленинцу С. Шаумяну импонировал революционный пафос «Нового утра», ему был близок и дорог пролетарский интернационализм армянского поэта. Вместе с тем конкретные советы и замечания С. Шаумяна помогли Акопяну устранить ряд художественных недостатков поэмы, добиться большей выразительности языка, большего единства формы и содержания.

Спустя семь лет после появления «Нового утра», в 1916 году, в книгоиздательстве «Парус» вышел «Сборник армянской литературы» под редакцией М. Горького. Идейные противники Акопяна утаили его творчество от Горького и добились того, что произведения армянского поэта не были включены в книгу. В статье, посвященной «Сборнику», С. Шаумян особо под-

черкнул значение Акопяна в истории армянской литературы: «...Есть у нас целый общественный слой, приходящие к сознанию армянские рабочие, для которых Акоп Акопян — признанный поэт. Он является выразителем горестей и радостей этих рабочих, певцом их труда и борьбы». О новаторском, революционном характере поэзии Акопяна писал также С. Спандарян, отметивший в рецензии на поэму «Новое утро», что автор ее внес в родную литературу совершенно новые мотивы, впервые заговорив о страданиях, муках, стремлениях и надеждах трудящегося люда. (Рецензия была напечатана в 1911 году, в газете «Листок-копейка».)

В поэме «Новое утро» Акопян обращается к серьезным общественно-политическим и этическим проблемам. Можно ли замкнуть любовь в узкий круг личных интересов? Прочно ли счастье, созданное в отъединении от мира, в стороне от жизненных бурь и тревог? Как соотносятся стремления индивидуальные с потребностями общественными? Доступна ли пролетарской поэзии область интимных переживаний людей? Написанная на высокой драматической ноте, поэма эта является авторской исповедью и одновременно революционной проповедью новой морали.

Основное содержание поэмы составляет история любви героя к девушке, в которой он видит не только идеал красоты и благородства, но и товарища-друга, духовно близкого ему человека.

Вот она! Вот она! И почувствовал я,
Что дыхание жизни моей — лишь она,
Что в глуби моего и ее бытия
Есть созвучные струны... Запела струна,
Нам обоим знакомой печалью полна.

(Перевод С. Городецкого)

Горячее чувство любви выражено в поэме с большой эмоциональной силой и образностью. Однако жизнь не исчерпывается любовью, она — богаче, разнообразнее, содержательнее, и любовь тем прекрасней, тем возвышенней, тем действительней, чем прочнее связана она с борьбой за новую жизнь — «новое утро» трудового народа. Вместе с любимой герой мечтает войти «в заветный мир свободы, сплетя две жизни в общий круг». Он зовет ее к людям труда, на завод:

Там никто из нас не будет
Думать только о себе.
Стали братьями там люди
В трудовой своей борьбе.

С бою там берется счастье, —
Вдохновеньем молодым
Там горя, высокой страстью,
Мы мечты соединим.

И не только наслажденье
Мы тогда в любви найдем:

Жизни каждое мгновенье
Вместе мы переживем!

В жизни строгой и суровой
Будешь ты со мной расти.
С детства друга дорогого
Я мечтал себе найти.

Только ты пойдя со мною,
Жалкий жребий свой забудь, —
Я хочу пройти с тобою
Новой жизни светлый путь.

Эта пролетарская, последовательно революционная «философия любви» вступает в непримиримое противоречие с моральным кодексом девушки, которая лелеет мечту лишь о мещанском благополучии и покое. Герой «Нового утра» — носитель новой, социалистической морали, он наделен крепким духовным здоровьем, которое придает всем его действиям и поступкам особую красоту и благородство. Его разрыв с любимой неизбежен — слишком по-разному они относятся к жизни, по-разному думают о призвании человека, — но он, однако, охвачен беспокойством за судьбу любимой девушки, искренне стремится освободить ее из мещанского плена, из приукрашенного мира корысти и лицемерия. Поэт утверждает снова и снова, что дорога к счастью, к большой и красивой любви, любви, достойной человека, проходит не в стороне от «грязной» жизни, не под сенью тенистых парков и садов, не

под аккомпанемент ручейка и щебет птиц, а через многолюдные площади, через заводские дворы и корпуса, сопровождаемая песней труда и борьбы.

Там, между алых кипящих лавин,
Ты их увидишь в сверкающем свете.
Тысячи там как один,
И один там как тысячи эти.

Там, в этой кузне, под сводами хмурыми,
Люди мужают и крепнут умы,
Мертвая жизнь разрушается бурями,
«Я» отливается в мощное «мы».

Таково этическое и эстетическое кредо автора поэмы. Мелкобуржуазному индивидуализму и эгоизму, болезненному неверию в жизнь Акопян противопоставляет страстную проповедь пролетарской, революционной морали, идею братства и классовой солидарности рабочих, высокий принцип коллективизма.

Поэма «Красные волны» (1911) является продолжением «Нового утра». Это развернутое эпическое повествование о самоотверженной борьбе закавказского пролетариата в годы первой русской революции. Начальные главы поэмы (I—VI) возвращают нас к интонациям и образам «Нового утра» — поэт вспоминает свою любимую, размышляет о превратностях судьбы, о смысле жизни, любви... Так, исподволь, автор подводит читателя к основной идейно-художественной проблематике своего произведения. С седьмой

главы поэма входит в новое сюжетное русло: уже не лирические раздумья автора, а конкретные картины жизни, быта, борьбы пролетариев составляют ее содержание. Вот кузнец Саркис — «отец семьи, измученный рабочий» — рассказывает жене о трагической гибели товарища, и мы видим завод, «ошалелого» управляющего, с которым «нету сладу», видим погибшего — деревенского парнишку Мукела, который трудился из последних сил, чтобы заработать лишнюю копейку и порадовать жену. Один за другим следуют яркие, запоминающиеся эпизоды — пожар в литейном цехе, нелегальное собрание революционеров в саду, всеобщая забастовка, разгром рабочей сходки, арест вожаков... Поэма «Красные волны» напоена воздухом революционной эпохи, в ней выписаны образы отважных руководителей масс — Мосэса, Сары, Михи, людей разных национальностей, но одной веры, одних убеждений. Решение этой творческой задачи явилось большим достижением А. Акопяна и армянской пролетарской литературы в целом.

В собирании и объединении сил передовой литературы Армении заслуги Акопяна неocenимы. Так, например, в 1914 году под редакцией Акопяна вышло три литературно-художественных альманаха: «Красные гвоздики» (2 выпуска) и «Альбом рабочего». Наряду со стихотворениями самого редактора, в этих сборниках были напечатаны рассказы М. Арази, М. Меликяна, М. Зурабян, стихи А. Камари, драматическая

пародия А. Вартаняна, переводы произведений русских писателей, в частности М. Горького.

Большевицкая «Правда» приветствовала выход в свет этих сборников, особо отметив «оваянные глубоким чувством» стихи А. Акопяна — «армянского Горького». Первая мировая война прервала издание «Новой библиотеки» («Красные гвоздики» и «Альбом рабочего» выходили под этим общим названием). Теперь деятели армянской пролетарской литературы группируются вокруг тифлисской социал-демократической газеты «Пайкар» («Борьба»), возглавлявшейся с 1915 года по май 1917 года большевиками, а затем перешедшей в руки меньшевиков.

Акопян был в газете своего рода редактором литературного отдела. Благодаря его энергичной деятельности на страницах «Пайкара» систематически появлялись произведения армянских пролетарских писателей — Арази, А. Камари, Сусан, Симака, А. Вштуни, А. Петросяна, переводы «Сказок», «Песни о буреизвестнике», рассказов М. Горького и т. д. В газете были напечатаны стихотворения Акопяна «Воспоминания», «Не грусти», «Националистам», поэма «Красные волны», рассказ «Свободный бог» и другие произведения, оказавшие огромное влияние на формирование революционного сознания армянских трудящихся. В 1916—1917 годах Акопян пишет поэму «Равенство», полную острых предчувствий надвигающихся всемирно-исторических событий, устремленную вперед — к коммунистическому будущему.

Лирические раздумья «Нового утра», правдивые эпизоды-картины «Красных волн» завершаются романтически приподнятым, ораторским стихом-обращением «Равенства», составившего заключительную часть поэтической трилогии Акопяна.

5

Акопян писал в «Автобиографии»: «В 1917 году грянула Февральская революция. Участвую в организации большевистского органа «Кавказский рабочий». Состою членом широкой редколлегии, членом издательской и финансовой комиссии и членом бюро райкома. В июне на конференции в ограде Ремесленного училища происходят выборы в большевистский комитет. В числе двадцати двух избирают и меня. Функции мои: казначей комитета, отправка центрального органа «Правды» на турецкий фронт солдатам-фронтовикам, сбор партийных взносов, изыскание средств. Летом еду в Пятигорск лечиться. По возвращении из Пятигорска меня кооптируют в казначей Краевого комитета большевиков. В 1918 году моя квартира стала конспиративной квартирой Краевого комитета, где разрабатываются планы Душетского восстания и восстаний в других местах Грузии. Накануне объявления «независимости Грузии» меньшевиками эвакуируюсь с семьей из Тифлиса, а квартиру оставляю в распоряжение городского комитета. В Пятигорске работаю в городском комитете, организую прифронтовую литературную базу для

красноармейцев-фронтовиков. В 1919 году в начале января — опять в Тифлисе. На станции Казбек меня арестовали особоотрядники и отправили в Метехский замок. В связи с болезнью и по ходатайству жены одного близкого товарища меня освобождают из Метехи и оставляют под домашним арестом. Предварительно берут с меня подписку, что, «находясь под домашним арестом, обязуюсь не только не посещать собраний, но и не выходить из дому впредь до особого распоряжения». Даю эту подписку, но через месяц моя квартира превращается в конспиративную квартиру Краевого комитета. В этом же году в издании Крайкома выходит моя книга, посвященная памяти 26 коммунаров. За это время (в 1919—1920 гг.) меня обыскивали и сажали не раз, но скоро освобождали за неимением улик. Сажу под домашним арестом и работаю в органах Крайкома — членом редколлегии «Паак» («Страж») и ответственным редактором «Нор уги» («Новый путь»).

За этим сухим перечнем дат и событий — бурная революционная деятельность поэта-большевика, борца за победу советской власти в Закавказье. И когда, в период с апреля 1920 по февраль 1921 года, в Азербайджане, Армении и Грузии один за другим рухнули антинародные, кровавые режимы мусаватистов, дашнаков, меньшевиков и осуществились вековые чаяния закавказских трудящихся, Акоп Акопян, верный своему интернациональному долгу, страстным, поэтическим словом приветствовал «новое утро

народов Закавказья». Он посвящает стихи Тбилиси, Баку, Еревану, Рионгэсу и Дзорагэсу, славным бакинским комиссарам, Мике Цхакая и Серго Орджоникидзе, Степану Шаумяну и Геворку Атарбеяну, он славит великую партию коммунистов и ее бессмертного вождя — В. И. Ленина. В цикле стихотворений «Из мелодий моей красной родины», в поэме «Боги заговорили» (1922), сравнивая картины тяжелого прошлого с новой жизнью, Акопян с гордостью пишет о творческой, созидательной энергии советского народа — могучего «Прометея наших дней».

В одном из стихотворений цикла «Большевизм» (1932) Акопян сказал о себе:

Я — пролетарский боевой листок,
Что к Первомаю вышел в срок.

(Перевод А. Гагова)

Эти слова образно и метко характеризуют его как поэта, необыкновенно чуткого к запросам эпохи, неразрывно связанного с современностью. Следует при этом отметить, что не все в творчестве Акопяна, цельном и верном по устремлениям, равноценно в художественном отношении. Увлекаясь злободневной «заданностью» поэзии, Акопян не уделял иногда достаточного внимания художественной отделке своих произведений, отчего некоторые его стихотворения оказывались несколько риторичными, маловыразительными. Однако число таких стихотворений невелико,

и они ни в коей мере не умаляют значения его творчества в целом.

Широким дыханием великих строек веет от поэм «Ширканал-большевик» (1924), «Волховстрой» (1925), «Ленинградская поэма» (1929—1930), «Красная Астхик» (1933), «Солнце и труд» (1935), написанных с проникновенной искренностью, взволнованной радостью и гордостью поэта-бойца, сопричастного победам своего народа.

Когда в 1922 году началось строительство крупнейшего ирригационного сооружения Советской Армении — Ширакского канала, Акопян стал частым гостем строителей, завязал с ними прочную дружбу. Поэт глубоко прочувствовал исключительное значение Ширканала для возрождения голодной и нищей Армении, он увидел в этой первой на его родине социалистической стройке осуществление великого ленинского завета коммунистам Кавказа: «Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму». ¹ Все это обусловило политическую целенаправленность, исторический оптимизм поэмы «Ширканал-большевик», ее своеобразную «монологическую» форму, восходящую к пламенной ораторской речи.

«Обстановка социалистической стройки раскрыла передо мной широкие перспективы того социалистического порядка, который воспевал я

---

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 32, стр. 297.

до революции в поэме «Равенство». . . Социалистическая стройка открыла широкие горизонты для творчества, для фантазии», — писал в 1934 году Акоюн в ответе на анкету Иностранной комиссии Оргкомитета Союза советских писателей. Едва закончив поэму «Ширканал-большевик», Акоюн едет на строительство Волховской гидроэлектростанции, встречается и беседует с рабочими, техниками, инженерами, тщательно изучает проблему использования водной энергии реки Волхова. Вооруженный знаниями и фактами, Акоюн принимается за создание поэмы «Волховстрой». В прологе поэт вспоминает тяжелые дни начала стройки — 1918 год, когда «в тисках осад, в огне блокад земля вздымалась на дыбы» и бесчисленные враги молодой Советской республики грозили ей гибелью. Далее следует живая панорама строительства электростанции, мощная симфония во славу освобожденного Труда. Всю поэму как бы изнутри освещает образ Ленина, наполняя ее большим, обобщающим смыслом:

Стоит там Ленин-исполин среди мерцающих
огней,
Стоит и зорко смотрит вдаль, зовя на подвиги
людей.
«Ты с нами, дорогой Ильич, ты в созидании
живешь.
Предначертания твои сбываются, великий
вождь».

(Перевод Я. Хелемского)

В начале 30-х годов Акопян задумал большую эпическую поэму о пути, пройденном нашей страной со времен первой русской революции до середины 30-х годов; поэт намеревался также закончить цикл стихотворных новелл о становлении характера нового человека в эпоху социализма. Осуществить эти замыслы Акопяну удалось лишь частично (в «Ленинградской поэме», в поэмах «Город», «Тифлис», «Красная Астхик»). Смерть, наступившая 13 ноября 1937 года, оборвала его кипучую творческую деятельность.

Лучшая часть поэтического наследия Акопа Акопяна — его песни и стихи, поэмы «Новое утро», «Красные волны», «Равенство», «Ширканал-большевик» — навсегда вошла в сокровищницу духовной культуры армянского народа. Опыт его революционного искусства восприняли поэты Советской Армении — Егише Чаренц и Наир Зарьян, Азат Вштуни и Гегам Сарян, Ваграм Алазан и Вагаршак Норенц, он не потерял своего значения и для молодого поколения армянских писателей, творящих в счастливое, радостное время, приближению которого посвятил свою жизнь и талант пионер армянской пролетарской литературы, поэт-большевик Акоп Акопян.

А. Салахян

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЧЕСТЬ И ТРУД

Я был еще дитя, когда
Отец, согбенный от труда,
Учил меня, что в мире есть
Одно святое слово — «честь».

Когда я книги стал читать,
Однажды мне сказала мать,
Что путь мой в жизни будет крут,
Что должен полюбить я «труд».

Я в школе пробыл мало лет —
Для бедняка там места нет...
И по велению отца
Стал подмастерьем кузнеца.

С тех пор мой тяжкий молот бьет,
И жжет чело горячий пот,
И дни тяжелые идут,
Но всё я помню: «честь» и «труд»,
«Честь» и «труд»!

1895

ПЕСНЯ

Я на рассвете юных дней
Запел однажды о любви.
Та песня родилась в крови.
Тоска и боль звучали в ней. . .

Но ты молчала. Не пришлось
Душе услышать отзыв твой.
Лишь эхо гор отозвалось
И полетело над землей.

Ах, этот отзвук будет жить
В моей груди до склона дней.
Соединила эта нить
Меня с отчизною моей,

ОЕЛЬСКАЯ БАЛЛАДА

Бохар завывает, Бохар изнывает,
Не ест и не спит.
Ишь морду задрал! Душу всю надрывает.
Чего он скулит?
Казалось, земля изнутри разорвется,
А либо сойдет
Антихрист, и, гибель почуя, весь мир
содрогнется
И всё пропадет...
Скулил он по-старчески, долго и глухо,
Мучительно выл,
Отчаянно, невыносимо для слуха,
И сердце томил.
И в ужасе люди тряслись — суеверных
Немало у нас.
Да всё это было еще в беспросветный
Полуночный час.
И дяде Огану не спится... Во мраке
Страх душу объял.
О, что там во тьме? .. Как не верить собаке...
Не смерти ль оскал?
«Хатун. — говорит он, — дурная примета!
Всё знать ты должна:
Конец мне... Собака сживает со света...
Бедняжка жена!

Коль пес, мол, заплачет, —
Учил нас отец, —
Хозяину, значит,
Подходит конец».
Бохар завывает, Бохар изнывает,
Всё бродит как тень.
В тяжелом раздумье Огана встречает
Проснувшийся день.
Однажды несчастный остался в постели —
И больше не встал.
И вскоре Оган — не прошло и недели —
Дышать перестал.
Потом, на рассвете, из дома убогий
Гроб вынес народ. . .
И вправду принес огорчения много
Постылый тот год!

СТРАХИ КРЕСТЬЯНИНА

Кружа над кровлею худой,
С какою новою бедой
Ко мне опять ты прилетел,
Несчастий вестник, ворон злой?

Что день, тревогу сердце бьет:
За горем горя пахарь ждет.
Твое мне карканье всегда
Беду несет:

Подует ветер — сохнет сад.
На небе туча — ливень? град?
Или несется саранча? —
Повсюду беды сторожат.

Кружа над кровлею худой,
С какою новою бедой
Ко мне опять ты прилетел,
Несчастий вестник, ворон злой?

1899

ТВОЕ ГОРЕ ОБЛЕГЧУ

(Из детских воспоминаний)

Матушка моя ласкова была,
Никому она не желала зла,
Просыпаясь и отходя ко сну,
За меня молилась, как день светла.

Если заболею я иногда,
Если приключится со мной беда,
Нежно и заботливо спросит мать:
«Что с тобой, сынок? где болит, бала?»

От обид тебя я уберегу,
Горю твоему, милый, помогу!»
Был я слишком мал и не мог понять,
Что от бед меня охраняла мать.

Детства моего светлая пора,
Матушка моя так была добра!
Но меня сберечь не смогла от бед, —
Сиротой оставила в цвете лет.

1899

Велико наше горе, печаль беспредельна.
Подойди, и поделим их, страждущий брат!
Мы не трусы, к тому же и плакать бесцельно, —
Перед нами другие дороги лежат.
Станем рядом, тверды, как гранитные скалы.
Нет! Бояться не нам разразившихся гроз!
Вся душа у народа вконец исстрадалась —
Только пользы ни разу нам плач не принес.
Велико наше горе, печаль бесконечна...
Так поделим их, брат, — и задышится легче.

Много горького терпит народ наш любимый,—
Примем горе народное в сердце свое.
У народа и нас скорбь да будет едина,
И единой слезой оросим мы ее.
Нашей лире народную вверим заботу —
Пусть отважно добро отделяет от зла,
Чтобы смолк от той песни отчаянья ропот,
Чтоб душа горемыки воспрянуть могла,
Чтобы счастьем народная жизнь озарилась,
Чтобы сердце народа для битв укрепилось,
Чтобы песня в народе надежду зажгла!

Наше сердце широко, душа терпелива,
Словно губка набухшая, горя полна.

Что же! Выдержим всё, переждем молчаливо,
Перетерпим — иные придут времена.
А сегодня — у сердца иные волненья:
Жизнь кипит, призывают большие труды.
Возникают и скорого ждут разрешенья
Роковые вопросы насущной нужды.
Брат, настроим скорей нашу честную лиру,
Чтобы каждая песня, как пламенем, жгла!
С этой песней пройдем мы по скорбному миру,
Чтоб душа горемыки воспрянуть могла,
Чтобы счастьем народная жизнь озарилась,
Чтобы сердце народа для битв укрепилось,
Чтобы нам устоять под ударами зла!

РОДНИК СЛЕЗ

Здесь некогда светлый родник протекал,
Прозрачный, прохладный, шумливый.
С веселою песнею с каменных скал
Сбегал он на тучные нивы.

Задумчиво женщины шли из села
За чистой, хрустальной водою
Кувшин наполняя, кого-то ждала
Красавица с пышной косою.

Стада приходили на водопой.
Сады меж оград расцветали, —
Поил их родник живою водой,
И птицы в садах щебетали.

Шло время и ткало года и века,
И черное время настало —
Замкнулись навеки уста родника,
И песни веселой не стало.

По капле, как слезы вдовы молодой,
Вода из утеса сочится;
Умолкли кувшины; привычной тропой
Пастух к роднику не стремится.

Забылось, как некогда звался утес,
Нет славы былой и в помине.
Зовется в народе «Источником слез»
Родник, иссыхающий ныне.

1902

ДРУГУ ДЕТЕЙ

*(Г. Агаяну в связи с 40-летием
его деятельности)*

Пламенно любя родное слово,
К знанию тяготея с малых лет,
Нам под сенью дуба векового
Довелось познать ученья свет.

Детям став советчицей и другом,
Речь родная, воспевала ты
Труд отца, идущего за плугом,
И любимой матери черты.

Речь родная сыновей вскормила,
Бережно взлелеяла, как мать.
Годы шли, и молодая сила
Возмужала, смело в мир вступила,
Выросла борцов отважных рать

. . . Вижу дуб иной, могучий, статный.
Лоб, венком обвитый, узнаю.
«Дети, — говорит нам голос внятный, —
Помните родную речь свою!»

1902

ВСЯКИЙ РАЗ

Всякий раз, как встречается мне на дороге
Потерявший надежду страдалец убогий,
Искалеченный жизнью безумец несчастный,
Что бредет стороной, ко всему безучастный, —
Всякий раз, захлебнувшись от скорби и муки,
Подойти я хочу, протянуть к нему руки,
Обласкать; тихим словом любви, состраданья
Облегчить его боль, пробудить в нем сознанье;
Опаленное жалостью сердце живое
Из груди своей вырвать хочу для него я;
Бедный брат мой, — сказать, — не побрезгай,
возьми!

Да падет твое горе на плечи мои!
Я хочу, чтоб тоской затуманенный разум
Прояснился, излив свои беды рассказом!
Скорбный брат мой, — хочу у бедняги
спросить, —

Кто решился с любимой тебя разлучить?
Но боюсь, отогрев охладелую душу,
Безмятежность ее понапрасну нарушу;
От глубокого сна пробудив ее, снова
Возвращу ее к ужасам пережитого,
Отравлю, содрогнуться заставлю вторично
От превратностей доли ее горемычной
И, как знать, растревожив давнишнюю рану,
Еще худших страданий виновником стану?!

ЗОВ НАРОДА

**Поэт, ты слышишь ли, поэт,
Народа вопль, его рыдания?
Неси во мрак надежды свет,
Скажи, что кончатся страдания!**

**Не надо слез — уже по край
Полны сердца тоской и мукой.
Нет, не голубь и не ласкай,
Не утешай нас, не баюкай!**

**Бичуй невыносимый гнет
И, полон страсти неумемной,
Греми грозой, зови вперед,
Будь молнией средь ночи темной!**

**Поэт, ты слышишь ли, поэт, —
Спой песню о великой цели!
Да будет песнь твоя — как свет,
Что проникает в подземелье!**

1902

НАЧАЛО ВЕСНЫ

Всюду снег. . .
Под его голубой пеленой
Ждут весеннего солнца уснувшие зерна. . .
Всё бело. . .
Лишь кусты и деревья порой
Над сугробами тенью вздымаются черной.

Всюду снег. . .
Но весна уже бродит вдали
И тревожит дремоту спокойного снега.
Почернеют поля,
И сквозь поры земли
Просочится блестящая зелень побегов.

И всё ближе весна.
Всё теплей и теплей. . .
И в бессмертной надежде и рвении высоком
Корни в землю уходят глубоко,
Чтоб в ней
Напиться живительным, сладостным соком.

Пестрых красок игрою сверкает весна!
Стал багряным гранат,
И миндаль стал зеленым.

И цветы и деревья, очнувшись от сна,
Торжествуют весною, подобно влюбленным.

И для нас этот радостный день настает —
Новых сил и весенних надежд пробужденье.
Мы отпраздновать рады, весна, твой приход:
Ты для нас
Вечно новый исток вдохновенья.

1904

ЭСКИЗЫ

1

Гордый сокол парил над землей
И кружил в поднебесье над кручей.
Гром и молния вышли на бой.
И надвинулись темные тучи.
Понял сокол, что схватка близка,
Но опасность его не смутила.
Он отважно взлетел в облака,
Презирая враждебную силу.
Молния полоснула кривая,
И ветра загудели над ним,
И, последние силы теряя.
На скалу он упал, недвижим.

2

Розе, сорванной в полдень с куста,
Показалось, что очарованье
Сохраняет ее красота
И не кончится благоуханье.
Нет предела для жизни; сейчас,
Может быть, — только счастья начало:
Слез и страсти пленительный час

И любви, о которой мечтала.
Но, прекрасным мечтам вопреки
Продержавшиеся до заката,
Опадали ее лепестки. . .
Ветер с пылью унес их куда-то.

3

Истомившись во мраке, поэт
В ночь с пылающим факелом вышел.
Погасили враги его свет,
Налетев, как летучие мыши.
«Не привыкли мы к свету!» — кричат. . .
Но бесстрашно он взял свою лиру, —
Скорби голос гремел как набат,
Как проклятье враждебному миру.
И, родившийся в горе, в мученьи,
Гневной силой дышал его стих.
В этой песне нашло отраженье
Столько бед и страданий людских! . .

1904

ПЕСНЯ КУЗНЕЦА

Товарищ, бей, ударь плеча!
Ударь со всею силой,
Чтоб сталь, светла и горяча,
Согрела мрак унылый.

Чтоб не напрасно пот бежал,
Рождая крепость стали,
Чтоб день над тьмою ночи встал,
Чтоб искры солнцем стали!

Ударь, товарищ, крепче бей!
Смотри: уходят беды —
Навек уходит тьма ночей,
Куется день победы!

1905

Станки умолкли б, если б он
не приложил труда,
Остановился б жизни пульс
и замер навсегда.
В цеху завода, у машин
Рабочий он и — властелин.

Бросают крохи богачи
ему за тяжкий труд.
Все блага, созданные им,
другим принадлежат.
На вечный голод обречен,
раздет он и разут,
А тот, кто обобрал его,
и весел и богат,
Пирует, в роскоши живет. . .
Но — долго
голодав —
Сегодня пасынок труда
решил добиться прав!
В цеху завода, у машин
Рабочий он и — властелин!

Оковы рабства проклял он
и вековечный гнет!
Эксплуататорам труда
суровый даст отпор!
Он поднял знамя, молот взял
и двинулся вперед,
Чтобы свалить прогнивший строй,
на битву он
идет.

Все те, что пили кровь его,
от страха задрожат.
Буржуазию сокрушит
он, пролетариат...
В цеху завода, у машин
Рабочий он и — властелин!

Величественный час настал, —
рабочий класс готов
Восстать, стереть с лица земли
тиранов, палачей
И, став хозяином труда
и всех его плодов,
Судить жестокого царя
и свору богачей.
«Кто не работает — не ест!» —
под лозунгом таким
Он вышел в бой за новый мир,
и он непобедим,
В цеху завода, у машин
Рабочий он и — властелин!

МОЙ МИР

О горы, величавые, немые,
Как вы свободный дух мой ни влекли,
Как ни сверкают шапки снеговые —
Мне не уйти от матери-земли.
Пусть я мечтал орлом парить в высотах,
С белеющей вершиной наравне, —
Мир скорби, мир страданий и заботы,
Мой мир земной вовек не бросить мне.
Мне место здесь, где горе и невзгоды,
Где человек, тоскуя, ждет исхода.

Зов дальних звезд мой дух влюбленно
слушал...

Прозрачная, хрустальная краса,
Как ни манишь мечтательную душу —
Она не унесется в небеса.
Я связан навсегда с моим народом,
Земная боль мою пронзает грудь,
Меня зовут: поэт, воспой свободу,
Товарищем и другом нашим будь!
Не надо мне заоблачного рая,
Тебя, моя земля, я выбираю.

Приятно в выси неба подниматься
И горькой жизни нужды забывать,

В серебряных лучах луны купаться
И золотые звезды воспевать.
Приятно, да. . . Но беспощадно, грозно
Велит земля, дает народ наказ:
Спускайся к нам, приди, пока не поздно!
Ты должен жить для нас и петь для нас!
Небесный мир твой ничего не стоит,
Пока народ земного не построит!

Спускаюсь я, чтоб жизнь отдать земле,
Спускаюсь, чтоб принять земные раны.
С тобой, народ мой, стонущий во мгле,
Гореть в борьбе и песни петь я стану.
Моя душа — одно с твоей душою,
Другого нету у меня пути,
Твоей дорогой трудною, большою,
Путем тернистым должен я идти.
Как ни чаруют голубые дали,
Есть близкий мир — мир скорби и труда,
Страдания его моими стали,
Ему я отдал сердце навсегда.
Я там, где горе и нужда народа,
Где человек, тоскуя, ждет исхода.

ЕЩЕ УДАР

Рабочие, сегодня — в бой!
В борьбе пожертвуем собой!
Еще удар, чтоб трон царя
Стал прахом и взошла заря!

Царь убивал и вешал нас.
Пришел его последний час.
Но, если пошатнулся трон,
Тиран еще не сокрушен.

Царь о пощаде молит нас?
Не стать бы жертвой нам сейчас!
Теперь, когда борьбы разгар,
Еще удар, еще удар,

Еще удар, чтоб трон царя
Стал прахом и взошла заря!

17 октября 1905

РЕВОЛЮЦИЯ

Товарищ! Видал ли ты бурю на море?
Вот с пеною в пасти, как злые пантеры,
Могучие волны взлетают на шхеры,
Ревут, сшибаются, яростно споря,
И рассыпаются,
Как песок.

А после волна беззаботной улыбкой
Приветствует солнце, и небо, и свежесть,
Воркует, как флейта, смеется, как скрипка,
Вздыхает, как девушка, нежась
У ног.

Товарищ! Слышал ли ты грома раскаты?
Вот в небе пальба и слепящие взрывы,
И дикие молнии нетерпеливо
Мечами вонзаются в черные латы
Туч.

Мгновенье — и хлынул ликующий ливень,
Гроза умирает в стенаньях и реве,
И вот уже мир, голубой и счастливый,

И вот уж вплетается в кудри деревьев
Сияющий луч.

Товарищ! Слышал ли ты вопль роженицы?
Когда, извиваясь и корчась на ложе,
Стенает она, как сраженная львица,
Стенает и хочет сдержать, но не может
Неистовый крик.

Но муки проходят своей чередою, —
Вот вскрикнул впервые ребенок румяный,
И, полная счастья и негой покоя,
Мать встретила радостный миг.

Так было, товарищ мой, в час революции:
Два моря столкнулись, и буря разыграла.
Две силы столкнулись — и вот они бьются
И молнии света стучатся в забрало
Тьмы.

Но вот отгремели и бури и грозы,
Нам ливень очистил небесные своды,
И в муках родился, и весел и розов,
Могучий ребенок — Свобода! Свобода! —
На прахе разбитой тюрьмы!

Товарищ, запомни, победа — в движении.
Свобода — дитя. Революция — мать.
Товарищ, клянись же в борьбе и в сраженьи
Грудью,
Грудью ее защищать!

ДВА СОПЕРНИКА

Раздался с рассветом их голос окрест,
Как вызов, как тысячеустый протест.
То звали заводы, на полном ходу,
Рабочих к труду.
Гудки нефтепромыслов звали к труду,
Со сном не в ладу. . .

Гудки постепенно сдавались, робели,
Один за другим покидали свой хор.
И только лишь два всё гудели, гудели,
Как будто навечно затеяли спор.

Один был охрипший, чахоточный голос,
Сочувствие слышалось в нем и печаль.
Другой — так, что небо над ним расколосось,
По-львиному грозно и властно рычал.

Один говорил: «Мой товарищ, рабочий,
Не выспался ты, но спеши на завод,
Я тоже под гнетом тружусь дни и ночи,
И кровь мою тоже хозяин сосет! . . .»

Другой — кичливый и грубый — как будто
Не звал, а грозил: «Собирайся живей!

Попробуешь мне опоздать на минуту —
Оставишь без хлеба жену и детей!»

От холода лица людей посинели,
И утро над городом гасит звезду,
И синие блузы бегут по панели,
Краюху под мышку заткнув на ходу...

И первый закончил упрямо и смело:
«Эй, будьте готовы! Тот день недалек,
Когда призовет нас к великому делу
Тревожный и радостный третий гудок!»

1905

* * *

Я вам говорю: близко время, когда
Рабочий, повсюду бесправный сегодня,
Сам станет хозяином гордым труда,
И жизнь его будет светла и свободна.

С владыки червонца корону сорвут,
Врагом человек человеку не будет,
Свободный и честный прославится труд,
Народов семья свои распри забудет.

Я вам говорю: недалек этот час,
И пусть он вам кажется ныне мечтою, —
Его наш рабочий добьется, борясь...
Вот гордая дума борца и героя!

1905

БУРЖУЯМ

Итак, проносятся ночи и дни...
А вы, погрязшие в тине,
Презренным червям и гадам сродни,
Болотом стали отныне.

Вам кажется, будто вокруг аромат,
Что амброю всё объято.
А это гнусный медленный яд
Безделия и разврата.

И разлагается ваша душа.
Но скоро грянет возмездье!
Вы копошитесь, отравой дыша,
Не чуя великой вести.

Народу великая воля нужна,
Народ расправляет плечи.
Глядите: встает вековая Нужда,
Стокрылою силою плещет!

И вам этой силы ничем не сдержать.
Придется ответ пред грядущим держать.

1905

КОГДА В ЛИЦЕ ТВОЕМ...

Когда в лице твоём ума и простодушия
Сквозит живая смесь, —
Я голос внутренний с волненьем жадным
слушаю

И замираю весь.

Когда в глаза твои наивные, глубокие,
Красавица, гляжу, —
Стремленья чистые и помыслы высокие
В себе я нахожу.

Поникшему цветку и птице обессиленной
Жизнь возвратив сполна,
Блеснет полдневный луч. А ночью туч
извилины

Осеребрит луна.

И у меня в душе избыток сил появится,
Когда в заветный час
Ты озаришь ее задумчиво, красавица,
Сияньем светлых глаз.

1906

УМЕРЛИ, НО НЕ ПРОПАЛИ

Какие герои-товарищи пали...
Умерли, но не пропали!
Живой огонь их гневных глаз
В душе народа не погас.
Слова их в толпах толп живут,
Детей нужды на бой зовут.
Шумит, как море, — не утих
Горячий гнев в сердцах живых!
Протесты жгучие с трибун
До сей поры не отзвучали.
Кричу я всем, кто сердцем юн:
Какие товарищи пали! ..

Стеною скрыт тюремный двор.
Там ясный день темнее ночи:
Палач, готовясь к казни, точит
Неумолимый свой топор.
Суровый ветер в час ночной
Оттуда каждый вздох доносит...
Прощенья ни один герой
У палачей своих не просит!
Герой друзьям бросает взгляд:
«Боритесь! Вас не победят...»

А сам он побежден? .. Едва ли! ..
Какие герои-товарищи пали! ..

Бессмертны стойкие борцы.
Они надеждой счастья жили,
Двора тюремного торцы
Своею кровью оросили. . .
Но жизнь бушует! Там и тут
Побеги новые растут.
На подвиг молодость спешит.
Призыв погибших в сердце бьется...
Недаром им пришлось бороться:
Святое дело победит!
Они народу жизнь отдали . .
Герои пали
Но для потомства не пропали!

1906

ПРОЛЕТАРИАТУ

Предвестник утра среди темной ночи,
Ты на борьбу повел — ты подал знак,
Поднявшись из низов, где вечный мрак, —
Ты начал Революцию, рабочий!

Ты жизни колесо вертел века,
И забастовки понял ты значенье:
Едва опустится твоя рука,
Приходит всё вокруг в оцепененье.
Пред силою твоей дрожал не раз
    Богач в тревожный час. . .
Хвала твоей руке, рабочий класс!

Воочью увидав, как ты силен,
Тебя сразить решил кровавый Молох.
Ты поднялся на бой и, разъярен,
Ценой глубоких ран и мук тяжелых
Основы мира старого потряс
    Борьбой восставших масс.
Тебе хвала и честь, рабочий класс!

Сквозь голод, гнет, сквозь душный каземат,
Где мужество тебе не изменило,
Соратник по борьбе, любимый брат,

К победе ты придешь, как сквозь горнило, —
И наше Завтра славлю я сейчас...

Грядущее за нас!

Так верь и побеждай, рабочий класс!

1906

ПРИВЕТ ТЕБЕ, СОЛНЦЕ!

Смотрите — за этой горбатой горой
Уже подымается ясный рассвет.
Веселое солнце еще не взошло,
Но розы немеркнувшей жизни цветут...
Свершается таинство нового дня, —
Над миром пылает прекрасный пожар,
Шагает с востока по скату небес
Веселый и юный властитель земли.
Он счастлив и бодрого полон огня,
Восторгом и свежестью дышит лицо.
Свободно и дерзко раскинув лучи,
Вперед устремляется светлый гигант,
На мир он бросает пылающий взгляд.
Он гордо стоит у горбатой горы,
Которая молча склонилась пред ним
И не разгибает сутулой спины.
Гора неподвижна, угрюма, черна,
И вот она словно сжимается в ком...
А солнце, спокойно поднявшись над ней,
Уже развернуло свой пламенный стяг.
Мне чудится солнца могучий призыв,
Мне кажется, радостный этот сигнал
Вселенную будит и к счастью зовет.

Встречая рождение нового дня,
Вселенная вся, просыпаясь, поет:
    «Привет тебе, солнце,
    Владыка земли!
    Привет тебе, день!»

1907

И СНОВА Я ВСТАЮ. . .

И снова я встаю. . .
Я, опаленный яростью страданий,
Я, закаленный пламенем восстаний,
Опять в бою.
Я обращаюсь к тем,
Кто был в тюрьме и в ссылке,
К друзьям своим, к соратникам своим,
Кто, как и я, в борьбе неколебим,
Кто, как и я,
Объят мечтою пылкой.
Есть сила на земле,
Что рано или поздно
Сметет насилье
Всюду
И навек.
Оковы тьмы
Вот этой силой грозной
Испепелит
Рабочий человек.
Той силе нет конца, предела, меры.
Ее накал невиданно велик.
Ее душа и знамя — большевик.
Ее победа — вот мой символ веры!
Рабочий класс, что в бой ведет народы,

Добьется Правды,
Света и Свободы.
Всею силой
Сердца моего
Я верю в это торжество.

1907

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

Товарищи! Скорей вливайтесь
В поток стремительный людской.
Чем можете, вооружайтесь —
Зубилом, молотом, киркой!

Ломайте старые ограды,
И мостовые, и столбы
И воздвигайте баррикады,
Чтоб укрепиться для борьбы.

И, как не раз уже бывало,
Когда, как туча, хлынет враг,
Над баррикадой по сигналу
Взвьется наш багряный флаг.

Врага отбросим мы, едины
И славою озарены.
Заплатят дорого враги нам
За всех убитых без вины!

Кто храбр — на улицу, в сраженье!
Ты победишь, восставший труд!
Тебе свободу и спасенье
Лишь баррикады принесут.

Товарищи! Скорей вливайтесь
В поток стремительный людской!
Чем можете, вооружайтесь!
Враг перед нами! Близок бой!

1907

МУЧЕНИКИ

Идут, всё идут казненных ряды
Вдоль горной гряды,
Идут без конца безликой толпой,
Цепями звеня,
Идут, как в прибой, волна за волной,
Бурля и стена.
Глаза у одних навывкате — так
Петля им туга.
На лбу у других зияющий знак
От пули врага.
Несчетные раны у тех на груди —
О, как они жгут!
У этих кровь на губах, погляди —
Их полчища тут.
Идут, идут. . .
Как тучи идут, сшибаясь, теснясь,
Гневом курясь,
Мщением ярясь.
Их вид сотрясает холодную высь.
Но вера крепка:
«Эй вы, палачи, теперь берегись!
Расплата близка».
В горах ураган, утихший едва,
Крылами взмахнул,

Шлет море со дна девятый свой вал,
Смятенье и гул. . .
От искры одной шар вспыхнет земной —
Восстанет народ,
И тех, кто несет неправье и гнет,
Везде ждет!

1909

ЛЮБЛЮ ВСЕЙ ДУШОЙ

Ручьев говорливых студены́й поток,
Бурлящий во мгле, под коро́й ледяной,
И первой травинки зеленый́ росток,
Омытый последней водо́й снеговой,
Взлелеянный солнцем весенний цветок,
Что спорить с небесной готов синевой
И, словно дитя, протирает глазок

С улыбкой живо́й, —

Люблю всей душой!

И маков семейство, что, склоны украв,
На них разостлало ковер огнево́й,
Плодов созрева́нье, колосье́в налив,
И солнца́ восход над могуче́й грядо́й,
И жаворонка над просторами нив,
Звучание трели его́ молодо́й,
Пернатых друзей, что на вольный призыв

Летят чере́дой, —

Люблю всей душой!

Тот час, когда неба померкнут края
И где-то, над северо́ю сторо́ной,
Стремительно́й молнии сверкнут остря́,
Раскатится гром благозвучно́й волно́й,
И сразу душа всколыхнется твоя́,

И пахнувший свежестью дождь проливной
Весну принесет нам, веселье тая, —
Тот час грозовой
Люблю всей душой!

1909

НА РАССВЕТЕ

Я снова посетил завод —
Кирпичный цех, железный свод;
В былые годы в песнь мою
    Вдохнул он жизнь,
И я с тех пор о нем пою.

Едва я перешел порог,
Меня приветствовал гудок.
Машины, в радости, на миг
    Сошли с ума! —
Железный вдруг раздался крик.

Заволновались шестерни,
И веретена, и ремни,
Поднялся молот и упал,
    Прогрохотал:
«Я не устал! Я не устал!»

И тысячи весельчаков —
Кующих звонко молотков —
Звенеть и щебетать взялись,
    Со всех сторон,
Как канарейки, залились.

Что за концерт! И шум и крик!
Вдруг искорка из горна — прыг!
Скакнула — ей не утерпеть
    На утре дня
Об утре жизни песню спеть!

1910

ПЕСНЯ ТРУДА

Песню знаю бесподобную,
Звону молота подобную,
Словно гром, простую, грозную,
Песню знаю бесподобную.

Эта песня зародилась
В темной бездне рудника —
Оттого она звонка,
Как горячая кирка.

В ней и музыка и слово —
Плоть и кровь рабочих рук.
В ней — от цеха заводского
Вдохновенный гром и стук.

Если ты такую песню
В час унынья пропоешь,
Вся печаль твоя исчезнет,
В ней опору ты найдешь.

Лейся, песня бесподобная,
Звону молота подобная,
Громовая песня, грозная, ---
Наша песня бесподобная!

1910

ВЕЧЕР В ДЕРЕВНЕ

Кудрявых вершин вереница
В закатном венке,
Над листьями пыль золотится,
И предо мной, вдалеке,
С фабричными трубами споря,
Средь нив, без числа,
Вздываются в ясном просторе,
Горят купола.
Повитые дымкой, на мили,
Средь влажных лугов,
Коленопреклонно застыли
Громады стогов.
И в мантии раззолоченной,
Торжественно ал,
На землю с высокого трона
Сошел небосвод и обнял
Равнины и слился с простором,
Внимая молитвенным хорам.
В равнинах нарядные села,
В садах наливные плоды,
И в зелени свежей, веселой,
Дунайские волны, горды,
Играя и пенясь в прибое,
Несутся гурьбой голубою.

Душа оживает, юнея,
И радостью сердце цветет:
Всё кажется — долей своею
Здесь, верно, доволен народ.
Но только в пути пред собою
Увидишь нужды сыновей,
Бредущих угрюмой толпою
С заводов, с полей,
В бряцании фляг оловянных,
Качающихся на боках,
В худых башмаках деревянных,
С узлами в руках, —
Как снова в тоске восклицаешь
— О, как же сильна ты, нужда!
Трудящихся хлеба лишаешь
Ты всюду, всегда!

1911
Зальцбург

В НИЖНИХ ЭТАЖАХ

Ты стоишь у тучи на виду,
Ни морщинки на высоком лбу,
Чердаки твои в грозу ведут
С молниями тяжкую борьбу.

Кровью кирпичи напоены,
Краснотой пугая облака,
Пóтом кирпичи обожжены,
Чтобы крепче выросли бока.

Этажей твоих высокий рост!
Кто на крыше с вихрем воевал?
Кто вскормил тебя? В ненастье и мороз
Кто, скажи, на стройке изнывал?

Ты стоишь, обжора, предо мной,
Кровью сыт и пóтом напоен,
Верхних этажей голубизной,
Блеском их пугая небосклон.

Кто вознес их пышно в небеса?
Наклони же каменное ухо
И услышь, как в нижних этажах
Каменщик, что изнемог в трудах,
Кашляет размеренно и глухо.

1911
Брюссель

В ЧАС БОРЬБЫ

В разгар борьбы, в решающие дни
Над наковальной молотом взмахни.
Без колебаний гневно сжав кулак,
Ударь сплеча,
Пока железа глыба горяча.

Позор тому, кто, с нами в строй включась,
Отступит вдруг, в борьбе покинет нас,
Уйдет, изверясь в силе рук своих,
В последний час.

Железо докрасна раскалено.
Остынет, чуть помедлите, оно.
Горн разжигай, все силы напрягай
Опять, еще. . .
Нет, куй, пока железо горячо!

Не выпускайте молота из рук.
От малодушных мы не ждем услуг.
Услышь наш зов, кто для борьбы готов.
Настало время, распрямись, плечо,
Бей, бей, пока железо горячо!

1911

ЭТАП

Скованы, идут на край земли.
Гордый взор их устремлен вперед.
Сколько б верст герои ни прошли
В знойный день в душливой пыли,
Взор вперед!

Катится жемчужным градом пот
С их открытых лбов и впалых щек.
И от каждой капельки цветок
Вырастает, и земля цветет
Вдоль дорог.

Кто прошел по ним, тот твердо знал —
Грозен и непобедим народ!
Остановка и привал — Урал.
Всё вперед несется красный вал,
Всё вперед!

1911

БОЛОТО

Болото кипит,
Червями кишит;
Тут сборище жаб,
Паучий тут штаб,
Собрание мокриц,
Ни звезд, ни зарниц. . .
Лишь плесени слой,
Слой ряски гнилой.
Болото кипит,
Болото шипит:
«У солнца нет сил
Мой высушить ил.
Поток обмелел, —
Зимой стал несмел.
Весна далека, —
Везет мне пока.
Хоть жизнью червей
Живешь, ну а всё ж
Вся сила сейчас
И власть вся у нас!»

Трясет его смех:
«Нет гадам помех!

Надолго такой
Блаженный покой!»

Эй, топь, ты слепая,
Не видишь снопа
Лучей над собой!
Всё ближе прибой,

Всё выше волна,
Всё звонче весна.
Дни спячки прошли.
Смотри, там вдали
Взыграла река,
Шумна, широка.
А если б сейчас
Гроза пронеслась,
Бич молний хлестнул,
Да ливень плеснул,
Да гром прогремел, —
Вновь, грозен и смел,
Поток бы размыл
Прогнивший твой ил.
Час близится гот,
И речка снесет,
Мча к морю струю,
Всю плесень твою.

Скор времени бег, —
Твой короток век!

СКАЗАЛ Я...

Сказал я: трону лиру осторожно...
Как зазвучит струна?
Что случилось с ней? Мне грустно и тревожно:
Что скажет мне она?

Я лиру взял, и вот певунья снова
Звенит в моих руках.
Она запеть по-прежнему готова.
Напрасен был мой страх.

Спросила лира: «Где же ты скитался?
Истосковалась я,
Уже другой на мне играть пытался —
Чужой! А я твоя.

С тобою снова стану я певучей,
Мне тяжело у чужих.
И лишь с тобою голос мой созвучен,
Легко в руках твоих».

И, как друзья, мы с лирой в лад запели,
И голоса слились.
В разлуке долгой мы не огрубели —
Взлетели звуки ввысь.

Живая песня зазвучала смело,
Наверно, потому,
Что из глубин души она летела
К народу своему.

Сегодня я с моим народом снова,
Друзья ко мне пришли.
Заслушались они певца родного,
Певца своей земли.

1911

ДРУГ, НЕ ПЛАЧЬ

Не плачь, ах, не плачь, что рано познал
Ты холод и зной,
Что столько цветов твоих отцвело
Прошедшей весной.
Хоть мертвым цветам твоим нет числа,
Не плачь, не грусти,
В родимой земле твои корни, друг:
Ты будешь цвести.
Ты вновь расцветешь и вновь зашумишь
Листою густой,
Наденешь наряд из красных цветов
Грядущей весной.

1911

* * *

Она, я знаю, возвратится,
Из клетки вырвется, как птица,
Опять гнездо свое найдет.

Она цветок, что увядает,
Заброшенный в чужие дали,
И лишь на родине цветет.

Куда бы челн ни уносило —
Вернется он на берег милый,
Пройдя сквозь бурь водоворот.

Она когда-нибудь вернется,
От беспокойных снов очнется,
Опять к моей груди прильнет.

Пускай томлюсь, мечусь, любя,
Но я дождусь, дождусь тебя.

1911

СТРАЖ

Павшим духом, слабым, робким — скажем:
Исчезайте в бездну пустоты! . . .
До зари стою я гордым стражем,
Гордым стражем нашей высоты.

Если враг внезапно в сети смерти,
В сети смерти завлечет меня,
Знайτε — на устах моих засветит
Свет улыбки завтрашнего дня!

И за мной большой волной нахлынет
Сила, что размочет берега,
И неисчислимы твердыни
Безвозвратно вырвет у врага;

Мы в порыве творческом покажем,
Что бессмертно дело наших лет. . .
До зари стою я гордым стражем.
Юности грядущей — мой привет!

1913

КУЗНЕЦ

Пылает горн — товарищ мой,
И реют искры, словно птицы.
И молот я держу стальной
Руками в плотных рукавицах.

В мой горн я опущу металл —
В огонь бурлящий, мне покорный, —
Железо здесь пройдет закал,
Чтоб сталью сделаться упорной.

От зноя стали огневой,
Как от багряного рассвета,
Растаял сумрак мастерской,
Вдруг озаренной и согретой.

На наковальню брось скорей
Трепещущую сталь — живую.
Теперь, кузнец, сильнее бей
И форму ей придай любую!

1914

ВОСПОМИНАНИЯ

Память душу мне обожгла лучом,
От того луча запылала кровь,
Пробежал грозы вдохновенный гром,
И для дней борьбы я воспрянул вновь.

Миновавших лет возрожденный гром
Поднялся в душе, прежней силы полн,
Вновь услышал я и призыв бойцов,
И движенье толп, словно рокот волн.

И вернул меня к прожитым годам
Гордый плеск знамен над людской толпой,
Наш победный гимн на позор врагам,
Голоса друзей, уходящих в бой.

О прекрасный день, день весны моей!
Возвратил меня ты к сердцам живым.
Всё идут, идут тени прежних дней
И зовут меня... Слава, слава им!

1915

НЕ БЕДА...

Не беда, что сегодня туман непроглядный
Ничего различить не дает,
Брата брат и соратник соратника
Не узнает.
Не смущайся, товарищ, иди неуклонно вперед!

Это всё ненадолго, и в этом —
Испытание, средство
Проверить, надежно ли наше соседство.
Узнать, кто меж нас, как стекляшка, сверкал,
Кто горел дорогим самоцветом.

Скоро, скоро туман разойдется
И станет легко.
Склоны гор оживятся
Дыханьем цветов всевозможных...
И мы будем с гобою тогда далеко
От «товарищей» ложных.

1915

ИЗ ЭЛЕГИЙ ТРУДА

1

В МЕДНЫХ РУДНИКАХ

Трепетала ночь,
И дрожала тьма,
Предо мною шахта
Раскрыла пасть, —
В ней бы сам сатана
Сошел с ума,
В ней бы дьявол мог
Без следа пропасть.

Я не мог закрыть
Воспаленных глаз,
Страх схватил и звал,
В глубину маня.
Я спускался вниз,
Каждый тяжкий пласт,
Словно мышку, мог
Раздавить меня.

Фонари несли
Свой предсмертный свет,

Из-под сводов
Всхлипывала вода;
Словно страшный сон,
Словно черный бред,
Обступила,
Схватила меня руда.

Сквозь сырую мглу,
Сквозь неверный свет
Я услышал голос
Из глубины:
«Дорогому гостю
От нас привет!
Мы с тобою вместе
Погребены!

Отныне ты будешь
Жить под землей,
Ты жизнь и молодость
Шахте отдашь,
За корку хлеба
Стучать киркой
Ты будешь!
Ты слышишь?..
Отныне ты — наш!»

1915

2

Легко шагает наш агá шестидесяти лет,
Всегда подвижен, как паук, — а смерти нет как нет.

Он быстр и бодр, он быстр и бодр, —
Как резвый юноша, ага забыл про смертный одр.

А мне пятидесяти нет, но как я стар и хвор, —
Как шаткий деревянный мост, я сгорблен
с давних пор,
Едва дышу, едва стою, едва дышу, едва стою, —
Как будто весь тяжелый мир лег на спину мою.

Тепло одет, тепло обут сын нашего аги,
Бежит он в школу на заре под присмотром слуги,
Сыт и умыт, сыт и умыт,
Как олененок на скале, резвится и шумит.

А мой сынишка не знавал и в детстве молока,
Он в школу больше не пойдет — там плата
высока.
Он тяжким молотом давно по наковальне бьет,
Он завтра легкие свои с натуги оборвет.

СЕЙФЫ

Угрюмый мрак в подвалах банка. Здесь словно
склеп.

Войдешь: дохнет могильный холод из страшных
зал.

Мерцанье ящиков, решеток, и стен, и скреп.

Мерцанье тусклой мертвой стали... Угрюм
подвал.

Лежит, в стальном гробу скрываясь, клад
золотой.

Милыоны там, монет звенящих там океан.

Чей плач звенит, чья кровь сверкает в монете
той?

Народа плач и кровь рабочих всех наций,
стран...

Награбив золота, в подвалы его несут,

Запрятать выручку дневную спешат сюда.

Страх душит дома богачеев, — спокойней тут.

Боятся вор другого вора везде, всегда.

И каждый день в холодных залах гремят
ключи, —

Свои богатства проверяют, едва дыша,

Мужчины, женщины, как тени, в дневной ночи.
Порывшись в золоте, уходят прочь богачи.
И вновь от страха воровская дрожит душа...

1916

ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО

1

В Балаханах вода мутна.
Лишь зачерпни —
Течет густая нефть одна
Ночи и дни.
Нефть и мазут легли вокруг.
Встань чуть заря
И не ропщи, рабочий-друг,
Что гибнешь зря.

Согнись под ляжкой вековой,
Терпи нужду.
Тем и живет хозяин твой,
Что ты в поту.
Возьмет он молодость и мощь,
Загубит жизнь.
Ты будешь завтра наг и тощ,
Хоть в гроб ложись.

От смертной муки побелев,
Джан, дорогой,
Ты завтра зарычишь, как лев,
Ты выйдешь в бой.

За глотку схватишь ты его!
И вот тогда
Осуществится торжество
Людей труда.

2

Сеть кровеносных жил густая
Таится где-то под песком.
Маячат вышки, вырастая
На вязком берегу морском.

Нефтепровод от черных вышек
Берет добычу и поет,
И нефти сброшенной излишек
Без сожаленья в воду льет.

Бьют волны Каспия, скрывая
Добычу стольких тяжких дней...
Чей смертный пот, чья кровь живая
Загублены навеки в ней?

Так в перегонке сил бездушной
Проголодал ты целый век.
Встань, отвоюй свой хлеб насущный,
Стань человеком, человек!

1919

В. И. ЛЕНИН

Перед его портретом я стою.
Я всматриваюсь, глаз не отводя,
В черты лица его — и узнаю
Приметы гения, борца, вождя.

Лоб выпуклый — высокая скала,
Недосыгаемое поле битв,
Взор пламенный — разящая стрела —
Врагам свободы гибелью грозит.

На старый мир с усмешкой смотрит он,
И говорит его спокойный взор:
«Не встать тебе с земли, ты обречен,
Уже прочтен твой смертный приговор».

1919

Я — ПРОРОК

Я — пророк.
Вижу землю — я тысячи вижу дорог:
Прозорливой души моей взоры
Охватили планеты просторы.

И повсюду я вижу — два стана!..
Поле битвы их обагрено...
Час придет, и падет бездыханным
Старый враг, обреченный давно.

Не поднимется мир этот старый!
Там повсюду разлад и распад.
Строят новую жизнь коммунары
Здесь, с другой стороны баррикад.

Льются крови бурливые реки...
Потрясенная древней борьбой,
Твердо знает земля — не навеки
Двух соперников длительный бой.

Наша воля вовек не согнется!
Непреклонная, всё горячей
Справедливость на улицах бьется,
И она сокрушит палачей.

Я — пророк!
Угнетенный веками,
Для свободы и счастья рожден,
Раб восстал, и победное знамя
Водрузит над планетою он.

1920

КРАСНОЮ ВЕСНОЙ

Жить? ..

Жить только красною весной,
Когда становятся рекой

Потоки с гор,

Когда лугов цветной ковер

Прельщает взор.

Жить только красною весной!

Бороться? ..

Бороться красною весной,

Когда грохочет грозный гром

При блеске молнии шальной.. .

Через преграды, напролом —

Прекрасной, красною весной!

Умереть? ..

Да, но лишь красною весной,

Когда, стремителен, широк,

Весенний паводок с дорог

Старье уносит навсегда

И от бывшего нет следа.

1920

ОДАЛИСКА И ДЕВА

Аллегория о грузинских меньшевиках

Раз одалиска деве встречной
Сказала: «Слышала я о тебе, сердечной:
Ты — недотрога, ты — скромна,
Зато оборванна всегда и голодна.

А у меня, смотри, на шляпе — страус! Перья!
Живу, как ветерок, в свои лишь чары веря!
Под вечер, взяв с собой помады и румян,
То на банкет спешу, то в гости, то в духан.

Смотри — вот медальон, что преподнес мне Джон,
И жемчуга — аванс, что дал сбежавший Ганс;
Паша турецкий, тот возил меня на кейф,
А итальянец мне нашил вот этот шлейф».

И одалиске был ответ девицы строгой:
«Прочь, шлюха, от меня. Иди своей дорогой!
Кто шляется, тому не диво, говорят,
Иметь и хлеб, и деньги, и наряд.

Пускай я голодна, оборванна, бледна,
Мозоли рук моих — утеха мне одна.
Мои лишенья, знай, — до завтрашнего дня.
А завтра будешь ты несчастнее меня!»

1920

*

ЗАВЕЩАНИЕ

Пусть будет мой надгробный камень
С рабочей наковальней схожим.
Пусть надпись краткими словами
Гласит: «Здесь Акопян положен».
Пусть рядом с молотом на камне
Лежит перо — в немой с ним паре,
Ведь я впервые в буре давней
Пером, как молотом, ударил.
Жизнь — наковальня. Для поэта
Перо — в борьбе могучий молот.
Так пусть же украшеньё это
Согреет мой могильный холод.

1920

ИХ БЫЛО ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ...

Их было двадцать шесть.
Их было двадцать шесть, отважных, молодых,
Всею свежестью своей весна бурлила в них.
Их подвигов не счесть... Их было двадцать
шесть.

Они вступили в бой
И подняли за нас, за весь народ свой стяг,
Но был неравен бой, и был коварен враг.
Не разорвать оков... Они — в руках врагов.

И вот однажды в ночь
При тусклом блеске звезд, не разгонявшем
тьмы,
Их привезли враги в пески Ахча-Куймы,
И вдоль песчаных гряд их выстроили в ряд.

Их выстроили в ряд,
Стоят большевики — безмолвны и горды,
Но и теперь страшны для вражеской орды!
Величья ночь полна, и смерть им не страшна.

Да, смерть им не страшна!
И крикнул палачам товарищ Шаумян:

«Мы счастливы, что нам высокий жребий дан
Пасть за Советов власть, за наше дело пасть.

И знайте, палачи!

Наступит вскоре день — прекрасен и суров;

Вас всех настигнет смерть, но смерть

презренных псов,

За нас, за двадцать шесть, вас ждет народа

месть!»

И дрогнули ряды, —

Казалось, этот клич и камни гор проймет,

Но загремел приказ, защелкал пулемет,

И вот не стало их — прекрасных, молодых.

Ночь скрыла палачей.

Меж тем как двадцать шесть и за порогом

тьмы,

Обнявшись, как друзья, в песках Ахча-Куймы,

Нам гимн борьбы поют и на борьбу зовут.

1920

СМЕРТЬ КОММУНАРА

Памяти Е. Шамаха

Цветами пламенел зеленый луг,
Мы шли, и трубы плакали вокруг —
Лежал в гробу наш самый близкий друг.

Его глаза застлал смертельный мрак.
Из-за угла убил его дашнак,
Угас навек его душевный пыл,
И вот он в волнах музыки поплыл.

Вовсю гремят оркестров голоса,
Огонь знамен рванулся в небеса.
Тяжелый гроб плывет, высок и ал,
Над ним звучит «Интернационал».

И этой песни голос молодой
Несется над землей и над водой,
Он звонок, светел, ясен и высок.
Он будит к жизни Запад и Восток.

Он говорит: «Внезапной смерти мглы
Не изменила светлого чела.

Напрасно думал подлый трус дашнак,
Что с этой смертью воцарится мрак,

Что траура безрадостная тень
Затмит навеки наш прекрасный день.
Тупой убийца, чья душа черна,
Не мог понять, что эта смерть одна

Десятки тысяч жизней подняла
На доблестные, смелые дела...
Убийца жалкий! трижды проклят будь
Тот миг, когда ты целил в эту грудь!

Мы не забудем никогда о нем,
Мы с боевой дороги не свернем...
Бушует пламя песен и речей,
Сплотились коммунары горячей,

Сильнее бьются храбрые сердца
Над гробом друга, брата и борца.
И землю, где покоились гробы,
Мы осенили знаменем борьбы».

При каждом дуновеньи ветерка
Знамена рвутся с крепкого древка.
Они стремятся в солнечную высь.
Они, как пламя, над землей зажглись».

А солнце шлет нам яркие лучи, —
Они сегодня очень горячи.
Такого солнца не было давно, —
Оно поет с поэтом заодно.

В могилу каждый бросил горсть земли,
И скрыть слезу не многие смогли.
Из каждой горсти вырастут цветы.
И солнце их согреет с высоты.
.. С кладбища мы в молчаньи гордом шли.

1921

МОЯ ЛЮБОВЬ

(Завод)

Его очей люблю я жар,
И грудь, закутанную в пар,
И песнь, которой нет звончей,
И мудрый смысл его речей.
Люблю его бесценный пот,
Когда он плавит и кует.
Я славный труд его пою,
Я песню в честь него кую.
Моя любовь — не жар юнца,
Когда неопытны сердца.
Моя любовь — ей нет конца,
В ней мысль и опыт мудреца.
Люблю завода звон и шум
И глубину заветных дум.
Найдется ли среди людей,
Кто б полюбил его сильнее?

1922

ЛЕНИН БЕССМЕРТЕН

Не верит сердце, что умер Ленин.
Кто может поверить, что солнце умрет,
Что вдруг океана прервется дыханье,
Далекого Марса
Померкнет сиянье
И время хребет Гималайский сотрет?

Дела Ильича — словно солнце сияют,
И мысли его — как моря, глубоки.
Его заветы нам путь озаряют, —
Они нерушимы, как горы,
Как звезды, они высоки.
Мы можем порой представить себе,
Что жаркое солнце
Остынет с веками,
Что высохнет вся в океане вода,
И светлый Марс померкнет над нами,
И время сотрет Эверест навсегда.
Но знаем мы —
Ленин в сердцах поколений
Останется жить

На веки веков.
Бессмертно великое имя —
Ленин,
Бессмертно дело большевиков.

23 января 1924

ИЗ МЕЛОДИЙ МОЕЙ КРАСНОЙ РОДИНЫ

1

БАКУ

Край нефтяной! Целый мир величавый!
Неуемным каким-то чувством томим,
Вспоминая дни горя и даты славы,
Я бродил по широким просторам твоим...

Вдалеке предо мной, горделивый и строгий,
Горный кряж серебрился в небесной тиши...
А под ним, грохоча на весь мир, новостройки
На глазах подымали свои этажи.

А вокруг, где до пепла, казалось бы, выжег
Навсегда всё живое каспийский зной, —
Черный город резных и прозрачных вышек,
Как мираж, трепетал в синеве предо мной.

И мне вспомнились давние дни Апшерона,
Эту память и годы не замели:
Здесь аршинник Манташев сосал миллионы
Из насыщенной нефтью родимой земли.

Это время проклятое не повторится!
Здесь рабочее знамя понес Шаумян,
За свободу боролись здесь Джапаридзе,
Мешади Азизбеков, Сурен Спандарян.

Двадцать шесть коммунаров! Вы пали со
славой.

И, как лозунг победы, звучит: «26».
В каждой стройке вот этой земли величавой
Вашей жизни частица немалая есть.

Расцветай же, Баку! Всё отныне тут наше!
Наступили свободные, светлые дни!
Двадцать шесть коммунаров стоят на страже:
В каждом сердце советском дышат они.

1925

2

ГЯНДЖА

Ты ослепла, страна родная,
В темноте многовековой;
Тьму от света не отличая,
Ты жила, объята дремой.

Ты проснулась с новой судьбою,
Ты прозрела, свет моих глаз!
И глядит на тебя с любовью
Прародитель древний — Кавказ.

Хлеб твой свеж, виноград твой сладок,
Темный бархат — твои сады.

Ты горишь в моих песнях крылатых
Ярче самой яркой звезды.

Ты пленила бурные воды,
Гидростанций огни зажгла,
Ты навек союзу народов
Руку крепкую подала.

Вековые твои платаны
Посадил у холма Аббас.
Словно песня меж их листьями,
Свежий ветер шумит для нас:

«Чуда нет, что древней порою
Шах платаны эти сажал, —
Чудо в том, чтоб новое строить
На земле этой древней Гянджа».

ПРОБУЖДЕНИЕ

Пробудился Кавказ! Где играл Ширканал,
Там земля загудела вокруг.
Там мы строим Загэс. Там гранит застонал
Под напором бесчисленных рук.

Там рабочий и пахарь зеленых степей
Видят, взгляд устремляя в простор,
Что грядущая жизнь всё мощней и властней,
И горит восхищеньем их взор.

Пробудился Кавказ, сбросил бремя веков!
И, в нарядном уборе своем,
Блещет Грузия золотом новых плодов
Под горячим полдненным лучом.

В хлопок бело-жемчужный, пушистый, как
дым,

Нарядился седой Айастан,
И Баку огневым янтарем нефтяным
Украшает союз наших стран.

Я на страже стою, я стою на посту,
Я стою в многоцветном кругу.
И растет моя песнь, и я с ней расту,
Светлой радости скрыть не могу!

Новой жизнью гремит наш могучий Кавказ
Под напором бесчисленных рук,
И торжественных песен река полилась —
Слышишь ты их ликующий звук?

В нем великая радость и сила гремит,
Потрясая простор мировой:
В горном воздухе носится между людьми
Эхо грозной борьбы трудовой.

Пробудился Кавказ! Заиграл Ширканал,
И Загэс над водою встает.
Зовом к творчеству каждая дышит волна...
Кто на этот призыв не пойдет?

Каждый должен осмыслить Загэса завет,
Слиться с творчеством нашим скорей!
Подымаем мы снова Кавказский хребет
Из великих и бурных морей.

1925

НА ДЗОРАГЭСЕ

Голос твой приятен мне,
Друг мой — дизель Дзорагэса,
Нынче весел я вдвойне
От твоих веселых песен.

Некогда в ущельях гор
Лишь свирель пастушья пела,
А теперь, с недавних пор,
Ширь гудками загудела.

На горах лишь волчий вой
Слышался однообразный,
А теперь во тьме ночной
Блеск огней тысячеглазый.

Мощь заводам ты даешь,
Жизнь становится всё краше,
И охватывает дрожь
Недругов коварных наших.

Завтра дело завершишь,
Многозвездный выткав пояс,
В край иной ты поспешишь, —
Жизнь растет повсюду, строясь.

Дзорагэсскому певцу
Я сулю судьбу большую,
Победителю-борцу
От души рукоплещу я.

1930

ИЗ ЦИКЛА «БОЛЬШЕВИЗМ»

1

Солнечный, радостный мой большевизм,
Ты не боялся тюрьмы и Сибири.
Славлю тебя я сегодня на лире.

Пламенный, борющийся большевизм,
Самодержавья ты сверг самовластье,
Слава борцам за народное счастье!

Радость и гордость моя, большевизм,
Жил я тобою, дышал я тобою...
Знамя сегодня твое — над страной!

Красному знамени песнь я пою.
Реет оно и багряно пылает,
Гордое, в каждой стране побеждает.

Я и сейчас в большевистском строю,
В битве не сломлен, овеян борьбою, —
Пусть я в морщинах, но молод душою!

Солнечный, радостный мой большевизм!
Счастье, что дал ты родимому краю,
Я, твой поэт-большевик, прославляю!

1931

Давно, давно я стал большевиком...

Мне памятен — орудий гром,
Борьбы минувшей пламенные дни, —
Незабываемы они!

В тех молодых волненьях, в той борьбе
Я твердость выковал в себе.
В тюрьме и ссылке мучился поэт
Немало лет, немало лет.

И все же не сгибался я, а рос.
Рукою твердой знамя нес.
И слово большевистское в груди
Огнем пылало. Шел я впереди.

Я стал партийцем много лет назад,
Я — старой гвардии солдат.
Я — пролетарский боевой листок,
Что к Первомаю вышел в срок.

Я — старый большевик, и я для вас
О новых днях пою сейчас.
Теперь борьба за счастье новых дней
Еще прекрасней и светлей.

* * *

Весенний полевой цветок,
Как встарь, ласкает душу мне.
Я осень от себя гоню,
Я шлю приветствия весне.
Гром, ветер, молния, гроза,
Как прежде, входят в душу мне.
Я счастлив. Молодость со мной,
Я сердцем обращен к весне.
В колхозах много крепких рук
И мыслей о грядущем дне,
Я жду великих перемен,
Я ожидаю их к весне.

1931

РЕВОЛЮЦИОННАЯ БАЛЛАДА

Кто не ведает, что с крутой скалы
Из Метехи кровь — солона, тепла —
По камням текла на исходе мглы
И багряною вся Кура была.

С каждой каплею алой крови той
Гнев народа рос — то бурлив, то нем, —
Палачам грозя, нависал скалой,
Чтоб, обрушившись, их смести совсем.

В предрассветный час, чуть взойдет заря,
Волны бурные — гнев и скорбь Куры —
Свой протест несли, янтарем горя,
Берег каменный начинали рыть.

Потрясен тогда восставал Тифлис,
Слыша скорбную о расстреле весть,
И рабочие победить клялись —
На окраинах закипала месть.

Кто не ведает, что в году не раз,
Обагрив Куру, кровь струями шла,
Кровь струями шла, и звала Кура,
Чтобы гнет веков мы смели дотла.

1933

ЕРЕВАН

Нашей стране лишь тринадцатый год, —
Тополем стройным она поднялась.
Славьтесь, великий свободный народ,
Партия наша, советская власть!

Был лишь недавно родной Ереван
Скопищем глиняных кровель и стен,
Точно верблюдов прилег караван
И уж не в силах подняться с колен.

Камни дробятся, стучат молотки...
Сколько дворцов здесь теперь вознеслось!
Стены из красного туфа крепки,
Город как будто в пылании роз.

Прежде глухой, освещенный едва,
Он заблестел, заискрился сейчас.
Он озарен, как ночная Москва, —
Можно читать здесь в полуночный час,

Кружится, кружится дни напролет
Яростной стройки у нас карусель,
Лишь оборот — и уж близится цель, —
На ноги новая площадь встает.

Нашей стране лишь тринадцатый год, —
Тополем стройным она поднялась.
Славьтесь, великий свободный народ,
Партия наша, советская власть!

1933

В ТО УТРО

Как будто вчера еще, только вчера,
Окончилась та боевая пора...
На подступах к городу пламя и гул,
Раскат орудийных послышался дул.

Товарищи наши готовят прорыв,
Для Армии Красной дорогу открыв.
Мы знаем, что будут враги сметены,
Что завтра мы вышвырнем их из страны.

В ту зимнюю ночку, задолго до дня,
Смятенье в Тбилиси, глухая возня, —
Жордания с присными утра не ждал,
На запад поспешно предатель бежал.

И близится, близится, — все говорят, —
К окраине красноармейский отряд.
И с пятиконечной звездой на груди
Торжественно движется танк впереди.

Из люка веселый боец поднялся...
Нам красное знамя плеснуло в глаза.
И девушки — сколько их тут собралось! —
Его осыпают охапками роз.

Он алые розы с улыбкой берет,
И движется в розах машина вперед.
Так в утренний час, улыбаясь светло,
В Тбилиси грядущее наше вошло!

1934

МНЕ ГОВОРЯТ...

Мне говорят: «Ты долго жил,
Ты отдых честно заслужил.
Твое горячее перо
Воспело правду и добро.

Ты очень стар, — мне говорят, —
Пусть будет светел твой закат.
Пусть будет бури лишена
Его большая тишина».

Я спрашиваю: «А волну
Вы закуете в тишину?
А Волга, слыша вашу речь,
Сумеет по-иному течь?»

Нет, отдыхать я не могу —
У родины еще в долгу.
И только смерть, никто другой,
Меня отправит на покой.

8 июня 1935

СОЛНЦЕ И ТРУД

(Баллада)

Задумало Солнце, поднявшись в зенит,
Построить по-новому всё мирозданье:
Пускай человечеству счастье звенит,
Пускай позабудет оно про страданья!

Взметнулись лучи огневые, ища
Товарища в битве, помощника в братстве:
«Эй, Труд! Если хочешь, начнем сообща!
Кому ж еще рядом с Солнцем стараться!

Отныне союз заключаем с тобой
И честных условий его не нарушим.
Ведь соревнованье в работе любой
Полезно живым человеческим душам!»

«Что ж, мудрое Солнце, я, право, не прочь! —
Откликнулся Труд. — Принимайся за дело.
Готов я твоим начинаньям помочь,
Чтоб мощь не иссякла и страсть не хладела!»

И Солнце, подобно павлиньим хвостам,
Стоцветных лучей веера развернуло,
Пробилось оно к черноземным пластам,
К земле поцелуем горячим прильнуло.

Запела морская волна горячей,
И в тучах седых закурчавилась влага,
И хлынули с гор миллионы ключей
На радость природе и людям на благо.

И ринулись воды потоков, бурля,
На вешние нивы, на хлебные пашни.
Проснулись для жаркой работы поля
И маршем пошли в наступленье бесстрашно.

Пошли в наступленье на каждый колхоз,
Направились храбро к амбарам и гумнам.
И следом поплыл за обозом обоз
К фабричным поселкам и ярмаркам шумным.

А жгучие стрелы рассвета прожгли
Стоячую гнилость болот одичалых.
И людям досталось богатство земли,
Где издавна яд малярии встречал их.

И в чайных плантациях, в цитрусах вся,
Блаженно дыша ароматом цветений,
Лежала земля, благодарно неся
И солнечный зной, и вечерние тени.

И вот уж огнем изумрудным горят
Лимонные и апельсиновые рощи.
С Аджарией нынче становится в ряд
Абхазия в блеске полуденной мощи.

И там, где жила лихорадка одна,
Сосавшая кровь поколений от века, —

Горит поколениям новым весна,
Кончается древняя скорбь человека!

А Труд говорит: «Вот что сделано мной
Без помощи Солнца в далеких походах.
Пока ты пылало над твердью земной,
Я глаз не смыкал, забывая про отдых.

Не тратил я попусту дней и ночей,
Себя не жалел до кровинки последней,
Всё яростней действовал, всё горячей
Боролся с природой за план пятилетний.

Подобно твоим огненосным лучам,
Я шел по своей триумфальной дороге
И кражей скалистых отроги встречал,
Но передо мной расступались отроги.

Росли корпуса у Магнитной горы.
Созвездья заводов сливались друг с другом.
Мне сталь и чугун предлагали дары,
Рожденные в дружестве тысячеруком.

Вздымались гигантские профили стен.
Ушли котлованы в земную утробу.
И каждая домна и каждый мартен
Осанкой своей удивляли Европу.

И каменный уголь пошел на-гора,
И тоннами кокса он стал на Урале.
Кузнецк и Магнитка, как брат и сестра,
В невиданных подвигах темп набирали,

Недаром у нас говорится, что Труд
Есть дело геройства, и чести, и славы.
Недаром гудки и сирены поют
Во славу грядущего гимн величавый.

Взгляни на седые пороги Днепра,
Грозившие раньше ладьям быстроходным.
То руки мои, поработав вчера,
Открыли дорогу по пажитям водным,

И Днепр, словно море, сегодня широк.
По воле моей он волну свою катит.
И тысячелетний окончится срок, —
Энергии волн человечеству хватит.

Там с Балтикой Белое, с Волгой Москву
Связал я каналом, как дружбой сердечной...
Я многое завтра еще доскажу
В поэме Труда, как и Труд, бесконечной!»

Ноябрь 1935

ПОЭМЫ

НОВОЕ УТРО

Ты ожила, пылая силой,
О муза юности моей.
И вновь со мной заговорила
О радостях минувших дней.

Они в садах жемчужно-нежных,
Блаженства детского полны,
Неслись потоком безмятежным
Под буйным ветерком весны.

Что наша жизнь? Волшебной песней
Она летит, как водомет,
И чем звучит она чудесней,
Тем эхо горестней замрет.

Жизнь — это тканая картина,
Ковер из тысячи цветов.
Жизнь — это всех морей пучина,
Безумство бешеных валов.

Она бушует горделиво,
И топит хрупкие суда,
И вновь гудит, в своих порывах
Не утоляясь никогда.

Ты ожила, о муза! Снова
К поэту новых дней пришла!
Я позабыл тоску былого, —
Ты вновь мне радость принесла.

Ты вновь явила облик дивный —
Его я много лет искал!
И вот на голос твой призывный
Ко мне пришел мой идеал.

Давно мечтой о нем томимый,
Я знал его по снам своим.
Но, призрачный, неуловимый,
Он был всегда недостижим.

2

Вот она! Вот она! И почувствовал я,
Что дыхание жизни моей — лишь она,
Что в глуби моего и ее бытия
Есть созвучные струны... Запела струна,
Нам обоим знакомой печалью полна.

О, как сладко вдвоем! Я гляжу и гляжу,
Оторваться нельзя от пленительных глаз.
С каждым взглядом я новое в ней нахожу,

И неведомой думы сияет алмаз
Каждый раз, как взгляну на нее, каждый
раз.

В этих грустных глазах целый мир для меня.
Улыбнешься — и скорбь промелькнет на
устах.

Беспредельное горе в глубоких глазах.
Что же мучит ее, сердце болью тесня?
Но чарует лицо, и зовя и маня.

Что волнует ее? И какую мечту
Затаила она? Не понять, не узнать!
Видно, юность ее в самом первом цвету
Налетевшею бурей была сметена, —
Видно, много невзгод испытала она!

Но страдальческий путь не убил красоты.
О, как я полюбил этот ласковый лик!
Наглядеться нельзя на родные черты.
В день разлуки грущу без нее каждый миг,
Будто траур навеки мне к сердцу приник.

Я один. Тает в комнате сумерек мгла.
Так покорно я жду: вот придет, вот придет
И тоскливую дверь распахнет.
И, рыдая, мне скажет: «Смотри, я пришла,
Счастья первую радость тебе принесла.

Я ведь знаю, тебя задушила тоска.
Вот, смотри, я пришла успокоить тебя,
В одиночестве горьком тебя приласкать,

Чтоб ты мог облегчить свое сердце, любя,
Чтоб ты знал, что разлука и мне нелегка».

Так ты будешь шептать, приходить и шептать,
И опять и опять в темноте исчезать,
Как едва уловимый, ласкающий свет.
И, очнувшись от грез, я увижу опять,
Что тебя уже нет, что тебя уже нет.

3

Вновь я вижу тебя — ты сидишь одиноко
И глядишь на меня испытующим оком.
Изучаешь меня? Или любишь меня?
Не могу я понять.

В этот странный, молчаньем наполненный час
Я одно только чувствую: зов твоих глаз.
И впервые сверкание солнца и дня
Получает свой радостный смысл для меня,
И сливается ласковый отблеск лучей
С глубиною моей.

Да, ты долго глядишь. И глядишь ты тайком.
И глаза твои схожи с живым родником.
Он течет, прикрываясь тенистой листвой,
Он струится мне в сердце звенящей молвой.

Изнемог я от зноя, прохлады хочу
И к прозрачному жажду приникнуть ключу.
Я к нему припадаю, чтоб душу открыть
И, рыдая, отрады испытать.

Но мгновенье — и всё исчезает из глаз,
Словно дикая лань, что в леса унеслась.
И я вижу — о, горе — тебя уже нет!
Тебя уже нет!

О, как меня эти очи манят!
Как маргаритки, чарует их взгляд!
Грезят они, жаждут жизни и ждут,
К Новому Утру зовут.

К жизни летят они, новой и мудрой,
Полной волнений, желаний и страсти,
Вихрей блаженного счастья.
Ждут они Нового Утра!

Боль издавна кипит в крови,
Моя душа тоской больна.
Так долго жаждущий любви,
Я трепещу в ее волнах.

Проснулась страсть во мне опять,
И сердце задрожало так,
Как могут струны трепетать
И в нежной ласке задрожать
Любимой женщины уста.

И весь я трепетом объят.
Волненье сладкое во мне,
Как над цветами аромат,
Что замирает, опьянев.

Жизнь. Почему ты лишь одна?
Ста жизней мало для меня,
Чтоб их тебе отдать сполна,
На радость встречи обменять.

Как океана глубина,
Приливом сил бушует грудь.
И я хочу к тебе прильнуть
И, как звенящая волна,
Твои колени захлестнуть.

И мрамор ног твоих лобзать
И пламенно тебе сказать:
«Я не любил так никогда,
Но буду так любить всегда».

И вдруг очнусь — и свет уныл...
Я одинок, мне мир постыл.
Тебя уж нет! Тебя уж нет!
Ты, как мечта, ушла, как сон!

5

В последний раз ты мне явилась
Как бы из сказки голубой.
Ты одиночеством томилась,
Как грезящий простор морской.

Закинув голову устало,
Заламывала руки ты.
Скажи, о ком ты тосковала?
Куда неслись твои мечты?

Я видел муку мысли гибкой,
Сомненье, скорбь в твоих чертах,
И лишь мгновеньями улыбка
Сияла на твоих устах.

Добро ль со злом в тебе боролось?
Была ль ты счастлива в мечтах?
Томил воспоминаний голос?
Пред днем грядущим мучил страх?

И я задумался: быть может,
Ей кто-нибудь желанен стал
И, может быть, ее тревожит
Любви высокий идеал?

Скажи мне, друг, какая сила
Тебя влечет, какой титан?
Какое небо озарило
Души смятенной океан?

Быть может, это — жажда счастья?
Иль вольный разума полет?
Иль пир земного сладострастья?
Иль пышность праздная зовет?

О, если б дум твоих властитель
Знал, как измучен я тоской,
Какие солнечные нити
Связали жизнь мою с тобой!

Он мне б тебя, наверно, отдал.
И мы с тобой, товарищ-друг,
Вошли б в заветный мир свободы,
Сплетя две жизни в общий круг.

Ведь что один? Порыв бесплодный!
Один — пустынная страна,
Где сохнут в муке безысходной
И гибнут жизни семена.

Один — как тень. И кто б он ни был,
Он — без начала и конца.
Он звук глухой пустого неба,
Без отзвука и без лица.

Иное — тысячи! Иное —
Мильонов натиск мировой!
Под их могучею волною
Мир содрогается живой.

Но в общей жизни есть тернистый,
Нелегкий путь для нас двоих.
И тем путем, мой друг лучистый,
Идти нам меж людей других.

Там жизни солнце золотое
Тебя, лаская, обоймет,
И воплощенною мечтою
Мне Утро Новое блеснет.

Если ты, моя родная,
Без которой жизни нет,
Ищешь правды, обещая
Утра Нового рассвет;

Если, сердце лаской грея,
Твой прекрасный взор не лжет,
Так давай пойдем скорее
На любимый мой завод.

Там никто из нас не будет
Думать только о себе.
Стали братьями там люди
В трудовой своей борьбе.

С бою там берется счастье, —
Вдохновеньем молодым
Там горя, высокой страстью,
Мы мечты соединим.

И не только наслажденье
Мы тогда в любви найдем:
Жизни каждое мгновенье
Вместе мы переживем!

В жизни строгой и суровой
Будешь ты со мной расти.
С детства друга дорогого
Я мечтал себе найти.

Только ты пойдя со мною,
Жалкий жребий свой забудь, —
Я хочу пройти с тобою
Новой жизни светлый путь.

7

Пойдем на завод!..
Но послушай, родная,
Там травы стебелек не растет,
И деревьев земля там не знает.

Птицы там не щебечут весной
И ручей не поет.
Ничего там под темной стеной
Не цветет.

Облаков не увидишь ты там,
Озаренных луной.
Не прильнет там к твоим щекам
Солнца радостный зной.

К небесам голубым
Не деревья вздымаются там,
а столбы,
И на них не зеленый покров,
А колючая сеть проводов.

Вместо птичьих живых голосов
Ты услышишь там грома грозней
Гневный грохот станков
И безумный скрежет ремней.

Там дышать не дают дым и жар,
Облаками вздымается пар.
Не прохладный ручей там течет,
А льется струями пот.

Там не розы сверкают огнем —
Кровью там истекают сердца.
И кругом
Лязг и шум без конца...

В небо копотью дышат густой
Труб высоких разверстые пасти,
Будто нету над ними людской
И не может быть власти.

Ты пройдешь между мокрых стен
мастерской —
Взгляни!
И коснись их рукой:
Это потом рабочих покрылись они.

8

Войди под свод завода,
Войди туда скорей!
Увидишь ты под сводом
Трудящихся людей.

Рабочий почернелый,
Весь в копоти, в дыму,

С огнем там бьется смело...
Недолго жить ему!

Ваал ему на плечи
Уселся и гнетет,
Иль руку искалечит,
Иль ногу перебьет.

Не раз глубокой ночью
Я видел: горн пылал,
Слепил глаза рабочим
И, как вишап, дышал.

Кузнец стоял, спокоен,
Огнем весь озарен.
Мозолистой рукою
Ковал железо он.

Не уступая горну,
Упорно он ковал,
Чтоб, молоту покорный,
Оформился металл.

Я думал: вот откуда
Берет закалку он!
Вот почему, как в чудо,
Он в красный цвет влюблен!

Хоть пот струею льется
У кузнеца со лба.
Он своего добьется
Там, где кипит борьба.

Бездушному металлу
Дает он к жизни путь,
И силы небывалой
Полна худая грудь.

Он волю закаляет
Железную свою
И верой укрепляет
Успех в любом бою.

Не раз друзей-титанов
В литейной я видал,
В работе неустанной
Их силу наблюдал.

Вагранка накалялась.
Вокруг и стар и юн
Стоят, забыв усталость...
В печи бурлит чугуи.

Вот-вот она взорвется!
Неукротим огонь
И над людьми смеется:
«Погибнешь! Только тронь!»

Здесь робких не бывает!
Настал желанный срок —
Вагранке протыкают
Могучим ломом бок.

Печь искрится огнями...
Металл течет сильней...

И кажется, что пламя
Готово сжечь людей.

Рабочему не страшно,
Смеется он в ответ...
Он здесь растет отважно
Для будущих побед.

9

Как будто лава из вулкана
Несется огненным потоком,
И ведра кипени багряной
Несут рабочие к опокам.

Тяжелый путь и смертоносный!
Нельзя на шаг тут оступиться.
Вдруг мастер крик бросает грозный —
И в рты опок металл струится.

Вишاپ там бьет крылом и лапой
И пышет серою зловонной.
Но кто же взглянет на вишапа?
Он сдался воле непреклонной.

Спокойно, гордо и упорно
Литейщик смотрит на опоки...
Металл бездушный принял форму.
Да здравствует ваш труд высокий!

10

Там, между алых кипящих лавин,
Ты их увидишь в сверкающем свете.
Тысячи там как один,
И один там как тысячи эти.

Там, в этой кузне, под сводами хмурыми,
Люди мужают и крепнут умы,
Мертвая жизнь разрушается бурями,
«Я» отливается в мощное «мы».

11

В глухом лесу стою, тоскую,
Зову подругу дорогу:
«Пойдем со мною на завод! . . .»
Она не слышит, не идет.

Из леса выйду на поляну
И на цветы лесные гляну.
Любой цветок к себе зовет. . .
Она не слышит, не идет.

Ее зовет судьба другая.
Она живет, в мечтах витая.
Ее, как слабый лепесток,
Унылых дней умчит поток.

Сказал однажды Гераклит,
Что под луною всё течет...
Вновь счастье от меня бежит,
Вновь одиночество гнетет.

Я понял: милая моя,
Боясь борьбы, покой любя,
Ничтожной жизнью хочет жить.
Как мог ее я полюбить?

Я понял: в вихре молодом
Горел я сам своим огнем,
Горел я тем огнем, что нас
Охватывает только раз.

1909

ИЗ ПОЭМЫ «КРАСНЫЕ ВОЛНЫ»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Закат безмолвно озарил природу,
И солнце вскоре заходить должно.
В наследство оставляет небосводу
Свои богатства дивные оно.
Какой чудесной, нежною палитрой
Небес волнение отражено.
И в час, когда кончался день усталый,
Запел гудок.
«Свободны вы!» — торжественно сказал он,
И труд умолк.
И всё, что за минуту бушевало,
Всё то, что нес рокочущий поток,
Вдруг замолчало.
Вот, вот они — плетущиеся тени,
Усталых душ бесчисленный парад.
Тяжелые предгрозовые тучи
Плывут, молчат.
Плывет толпа в немом оцепенении,
За рядом ряд,
Таится в ней суровое молчанье,
Величье в ней. . .
Безмолвный крик глубокого отчаянья
Грозы страшней.

Потоком черным движется шеренга
Иссохших женщин, сгорбленных детей.
В свою полуразбитую хибару,
Голодный, руки, точно плети, вниз,
Недавно юный, а сегодня старый —
Вошел Саркис.
Отец семьи, измученный рабочий, —
Такими вот капитализм богат.
Весь ослабевший, пыльный, худосочный,
Уже узнавший, что такое ад.
У кузнеца на жилистых руках
По самый локоть
Густая копоть,
Обильный пот осел на жирный лоск
Его волос.
Жена и муж садятся у стола
Так тесно рядом,
Как будто даже счастливы они,
Как будто рады
Тому, что могут ужином делиться.
Что надо им? Работа бы была,
Сегодня б только их не мучил голод,
А завтра? Что же может измениться? —
Вода на ту же мельницу струится.

Лежит Саркис, прогнать тоску не может.
«Спать не могу, —
Сказал жене, едва справляясь с дрожью
Иссохших губ. —
Ануш, сегодня на заводе нашем,
Будь проклят он,
Опять предсмертный

Раздался стон...
Мукела помнишь? Парень из Талыша,
Тот, что женился прошлой весной, —
Уже не дышит.
В большом бассейне рядом мы стояли.
Тяжелый пояс он снимал с болтов;
Не тратя слов,
С трудом дыша, крепление мы кончали.
У парня под ногами вдруг, мы слышим,
Подпорка, покачнувшись, закрипела,
Тяжелый пояс, грохоча, упал
И придавил собою грудь Мукела.
Всё управляющий — его виним, —
Как ошалелый,
Нас подгоняет, сладу нету с ним...
Вишь, под ногами у него горело.
«Сегодня сдать крепления хочу —
Кончайте сцепку!» — «Ладно, закрепим!»
— «Не терпит дело!
Тому, кто первый кончит, — вдвое заплачу!»
И вот удары сотен молотков
Протестовали,
Звучали громче грохота громов
Удары стали.
Зигзагами кровавых языков
Огни взлетали...
Мукел трудился из последних сил,
Напрягся он.
Хотел жену порадовать. Он был —
Молодожен.
Мукел нагнулся, стоя рядом с нами,
Покрепче снизу гвоздь забить хотел он,

Но рухнула подпорка под ногами,
Раздался стон,
И нет в живых Мукела...»

Саркис умолк, всё рассказав жене.
«А дальше что?» — Ануш его спросила.
Но молча лег Саркис лицом к стене.
Ануш опять: «А что же дальше было?»
— «А дальше что? Свезли его в больницу,
Но поздно. Вот... и человека нет.
Ведь раздробило
Бедняге парню череп и ключицу.
Так жизнь оборвалась в расцвете лет...»
— «Саркис, и нас, быть может, у порога
Ждет смерти тень.
Покойника внесут в мой дом убогий.
О, страшный день...»
— «Да, смерть повсюду нас найти готова:
В постели, на заводе... О Ануш,
Тяжка утрата друга дорогого,
Ведь наш Мукел еще был очень юн,
Он был цветком раскрывшимся, весенним,
Глядел на мир с мечтою и волнением...»
Глаза Саркиса горечи полны,
И слез полны глаза его жены...

Под гнетом тяжких дум они уснули.
Они должны
С рассветом вновь начать свои труды.
Спустилась тенью на худые лица
Угроза ежедневная беды...
Вода на ту же мельницу струится.

Я пел про то, что хлеб рабочих кровью,
Слезой омыт,
Про жизнь рабочего под ветхой кровлей,
Про трудный быт,
Про жизнь, что с каждым часом
многотрудней.

Да, жизнь трудна, —
Она в гробу унылых темных будней
Погребена.
Она, рыдая, тонкой струйкой плещет,
Едва видна,
А там — конец, и в темноте зловещей,
В земле она.
Но переполнена несчастий чаша —
Вскипает гнев,
И вот тогда, прекрасен, грозен, страшен,
Могуч, как лев,
Встает рабочий, и враги трепещут.

1911

РАВЕНСТВО

I

Я в новый мир вступил
Через чудесный вход.
Свободный, полный сил,
Мир предо мной цветет.
Там жизнь иная, — там былого нет!
Виденьем сказочным передо мной
Встают дома в сверканьи колоннад,
И день-деньской,
Катя прибой людской,
Кругом, как море, улицы шумят.
В предместьях дальних, солнцем залитых,
Громады стройных зданий заводских
Теснятся, и куда ни поглядишь —
Сверканье водоемов и прудов,
И густота,
И ласковая тишь
Темно-зеленых парков и садов.
Там счастливы все люди и вольны.
Нет богачей и нету бедняков;
Повсюду — пир торжественный весны.

Там все — товарищи,
Друг другу все равны,
И там один —
Как тысяча достойнейших сынов!

2

То — мир чудесный вдруг открылся мне!
О, неужели это не во сне?
Ужель навек
Исчезли лань и лев
И волк и агнец?
Что же там за шквал,
С неудержимой силой пролетев,
Твердыню прошлого с землей сровнял?
Нет богатеев —
Их пропал и след,
Волков свирепых — и в помине нет!
Нет зла, язвившего миллионом жал!
Неужто прошлому конец пришел,
И не воскреснет больше произвол,
И тунеядство не вернется вновь?
Неужто вправду,
Всё преобразив,
Из битв, где кровь
Потоками текла,
Из пламени, чей яростный разлив
Всё затопил, всё сжег дотла,
Из грома, от которого земля
Дрожала, о спасении моля, —
Родился свет, возмездьем за разбой,

И справедливости звезда взошла!
О, что за чудо вижу пред собой!
О, неужели —
То не сон пустой?

3

Пред этим чудом сказочным стою,
И вовсе душу не дивит мою
То, что громады слитков золотых
Теперь — подножья статуй городских,
Поставленных, чтоб молодым сердцам
Повествовать о прошлом, —
Тут и там.
И вовсе, вовсе
Не дивит меня
То, что теперь наставшая пора
Есть только нить
Тревожного вчера.
О, мощные усилья мышц тугих!
О, напряженных воль
Рычаг стальной!
К победе верной
Нет путей иных,
Борьба упорная —
Закон земной!
Сквозь тысячи преград
Вперед идем!
То — наша жизнь!
То — настоящим днем,
Кипящим молодостью, стать должно!

Пока в земле
Не прорастет зерно,
Богатой жатвы ввек не даст оно!

4

Стою, чудесным миром восхищен, —
Как море бурное,
Бушует он.
Кому, кому,
Скажи, принадлежат
Те фабрики, заводы, корабли,
Просторы в золоте обильных жатв,
Земная глубь,
Где руды залегли?
Хозяин здесь —
Трудящийся народ.
Богатства множа,
К счастью он идет.
Исчезла темень
Нищенских годин,
Прошедшему
Не воротиться вновь,
Здесь все — товарищи,
И здесь один —
Как тысяча достойнейших сынов.

5

Видали ль вы
На утренней заре
Покров травы

В росе, как в серебре?
Иль в небесах, когда
Закат горит, багров,
Станицу лебединых облаков?
В цветущих розах,
В зелени густой
Такой поселок я
Увидел пред собой:
Дома, блистающие, как хрусталь,
Грядую стройной протянулись вдаль.
Там — солнце ясное приручено,
Потоки света щедро льет оно.
Там — поколение
Здоровое растет,
Нужды не зная,
Не терпя невзгод.
Как будто матерью
Взращенные одной,
Резвятся дети дружною семьей.
За днями дни
В садах и парках
Растут они.

6

Вот, плечи упирая в небеса,
Заводов мощных встали корпуса.
Там всё кругом
Из светлого стекла.
Душистым воздухом овейанный, туда

Вступил я, как в величественный храм.
Полы блистают, словно зеркала.
Прошедшего — не видно и следа,
Рядами в залах веретена там
Бегут-жужжат,
Лаская слух, поют...
Где тяжкий грохот?
Где железный гуд?
Машины движутся,
Послушные рукам,
Бесшумно труд
Спорится по цехам...
Машина людям верный друг теперь,
Навек машина —
Укрошенный зверь.
Неутомительный
Здесь весел труд,
И друг для друга
Люди здесь живут.
К победам вольный
Человек идет, —
Нет больше горестей,
Нужды, невзгод,
Исчезло иго тягостных годин,
Прошедшему
Не воротиться вновь;
Здесь все — товарищи,
И здесь один —
Как тысяча достойнейших сынов.

Рабочий над машиною склонен,
Из лучшего сырья
Вьет нитки он.
Кругом
Машин согласная семья.
Как комья снега,
Пряжа здесь растет.
Мгновение —
Она уж на другой
Машине... Вот
Железною губой
Вбирает пряжу
Та машина в рот
И пережевывает...
Вот уж, глянь,
Стальными пальцами
Тугая ткань
Там складывается в ряды,
И вот
Конвейер дальше их передает.
Здесь новый мир,
Огромн и крылат.
Машины,
Словно пчелы, гомонят.
И каждая из них
Выкраивает часть,
Шьет, гладит... Такова
Здесь человека власть!
Когда-то труд
Тяжелым был крестом,

Теперь вся радость
И всё счастье — в нем!
С машиной человек
В согласии живет.
Со всеми
Делит он
Плоды труда,
Что умножаются за годом год, —
Нет зависти и жадности следа.
Соседу каждый
Здесь помочь готов.
Исчезло хвастовство,
Исчезла спесь!
Здесь все — товарищи,
И здесь один —
Как тысяча достойнейших сынов.

8

О дети мира нового,
Привет!
Высокий светит вам
Победы свет!
О прошлых днях,
Что не придут опять,
Умеете вы гордо вспоминать!
Привет вам, дети
Радостных веков,
Хозяева победных этих дней,
Дающие огонь
Строкам
Моих стихов!

Привет, герои, вам,
Смысл огненный
Дающим жизни всей!
Привет огню,
Чей яростный разлив
Пронесся,
Прошлое испепелив...

9

Багровых факелов
Ты видишь ли парад?
То звезды мира
Нового горят,
В науки дом
Вступая золотой
Торжественною, светлой чередой.
О, погляди кругом:
Могучий мозг республики —
Он тут!
Как лица все умны
И как они влекут
Приветливостью,
Лаской,
Добротой!
Морщины у отцов
На лбах крутых —
То память лет
Тревожных,
Боевых!
О, сколько мук
Отцы перенесли,

Чтоб к совершенству дети их пришли!
Вот — старец на трибуне, голова
Блестит серебряною сединой.
Он об открытии сообщил своим.
Как полновесны,
Как ясны слова!
В них столько силы дерзкой, молодой.
Вот кончил он —
И слышится кругом:
«Теперь, победу закрепив трудом,
К высотам новым поскорей пойдём,
Чтобы победою
Дерзанья увенчать».
Весеннею листвою
Колышущий простор,
Победною трубой
В полях гремящий хор —
Повсюду блеск,
Сияние, тепло
Ликующее солнце
Разлило, —
И сердцу
Птицей хочется вспорхнуть
Туда, в распахнутые небеса,
И каждый луч обнять
И к каждому прильнуть!
С природой вольной
Человек слился,
Познал природу он,
Сумел понять
Ее таинственные голоса.
Он с яркой музыкой

И с песнями пришел
В долину Марксову —
Прославить Первомай!
Ряды детей,
Их пенье —
Гомон пчел,
Звеня, разносится
Из края в край!
А вот студентов
Стройные ряды —
В беретах алых
Двигутся, горды.
Идут они,
Чтоб гимн высокий спеть
Учителю победных дел своих,
Пред памятником,
Чья пылает медь
В лучах весенних,
Ярко-золотых.

10

Они сюда
Приходят каждый год
И у победной
Статуи поют
Гимн равенству,
Свободный славят труд.
Поют — и в лад
Природа вся поет —
Деревьями,
Кустарником,

Травой,
Веселым блеском
Златоструйных вод,
Лазурью чистой,
Светло-голубой.
Поют могуче,
Дружным хором, в лад,
Как будто великан
Ударил по струнам
Могучей лиры дивной, —
Так звучат
Их песни яркие,
Взлетая к небесам.
И я, свободный сын,
Присутствовавший там,
Я, бывший только
Тонкою струной —
Одной из струн
Могучей лиры той, —
Заплакал я,
Слез не стыдясь своих.
Не знающие горя и невзгод,
Они сюда
Приходят каждый год,
К подножьям славных
Статуй золотых.

II

Вот жизнь желанная передо мной!
Давно ль казалась эта жизнь мечтой
Далекою,

Не достижимой никогда.
Грядущее!
Незыблемо всегда
Я верил в силу мудрую твою!
Грядущее!
Любил я всей душой
Твой путь далекий,
Трудный и большой!
И вот — с восторгом,
С гордостью пою
Свободу, свергнувшую произвол,
День нынешний, что предо мной расцвел
В сиянии нетленной красоты.
Я жизнь люблю,
Как нивы любят дождь,
Я к ней тянусь,
Как тянутся цветы
К весеннему горячему лучу.
Я с жизнью расставаться не хочу,
Но — если выпадет мой жребий —
Всё ж
Без горьких дум последний встречу миг
Затем, что миру новому свою
Я лепту внес,
Что мой звенящий стих
Воспел народов
Дружную семью,
Приход победных
Солнечных годов,
Цветенье золотых
Земных равнин, —
Прославил счастье

Сел и городов.
Один там — тысяча
Достойнейших сынов,
Как тысяча достойнейших — один!

1916—1917

БОГИ ЗАГОВОРИЛИ

Фрагменты

ПРОЛОГ

Песней вас назвал, вас назвал стихом,
Вас, в моей строке хлынувших стихами,
Тысячи людей, созданных трудом,
Созданных его мудрыми руками.
С ваших я горнил взял огня накал,
Тем огнем прожег мыслей вереницу.
В малом я тогда мир большой познал,
Жизни я открыл новые страницы.
Песней труд назвал, труд назвал стихом,
Пламенно воспел труд, поэмой ставший.
Труд стоит, плечист, смугл и строг лицом,
Мысли до небес поднимая башней.
Вы — миллионы солнц вспыхнувшей зари,
Авторы моей страстной песни этой.
С вами песнь моя громко говорит,
Вам обязан я званием поэта.

1

Я вовлечен был в грозный океан,
Ему рабочее движение имя.
Друг друга называя «брат мой, джан»,

Все вместе жили думами большими,
Страдали вместе муками одними,
А счастье закрывал от нас туман.
Друзьями и поддержкой нам во всем
Была нужда и черный хлеб наш черствый.
Вставали мы, гонимые гудком,
На муки шли. В своем единоборстве
Держались мы надеждой и трудом.
Мы знали, что конец царям придет,
Что справедливое настигнет мщенье
Тиранов, тунеядцев и господ, —
Мы ждали, ждали часа наступленья,
Готовясь крепче вбить в гроба царей
Шипы больших, негнущихся гвоздей.

2

Февраль и март волнами льются.
Могучий наступленья шквал
В те дни Великую поднял
Октябрьскую революцию.
С начала мира не являла
Земля таких даров сердцам,
Ни разу солнце облакам
Такой окраски не давало.
Сам бурный океан седой
Не знал еще такого шквала,
И небеса не озаряло
Сиянье молнии такой.
Рабочий и солдат в столице,
Как разъяренный грозный лев,
Бегут, не сдерживая гнев, —

Вперед, на приступ вал стремится.
Вот так из заводских кварталов
Волна неслась и рокотала,
Круша надменные палаты,
Громя прибежище керенских.
Идут рабочие, солдаты,
Их грозен взгляд, шаги их вески.
Идут матросы из Кронштадта,
Идут в победоносном блеске.
Им нужно всем — бойцам, матросам —
Коммуну воздвигать скорей
И старый мир с размаху бросить
На дно глубокое морей.
И волны мчатся, сбив заторы,
Сильней и выше каждый час, —
Вот докатились на Кавказ,
Переплеснулись через горы.

3

Могучий громовой раскат
Наполнил воздух мощным гулом.
Потоки крови чьей журчат
И с кем кого в бою столкнуло?

Гонят бандитов белых
Новой, Советской Руси сыны.
Решительны лица их, смелы
Все они, молоды и сильны.

Здесь что ни воин, то солнца сын, —
Лучами взгляд пронизан.

На подвиг готовы все, как один,
Историей каждый призван.
Над миром новый горит рассвет,
И буря над миром зреет, —
Так вот они появились на свет,
Улыбка их всех согреет.

И вошли они в наш родной Тифлис,
В город старый и вечно юный,
И сказали нам: «Мы насмерть дрались,
Город солнечный, город лунный, —
Он ваш, Тифлис.

Здесь наша кровь на склонах гор,
Мы горы вам вручаем,
Берите гор, долин простор,
Родимым правьте краем!»
Сейчас весна кругом цветет,
Цветут долины, горы, склоны;
Всё ново — песни, и народ,
И жизни новые законы.
Тобою мир наш осиян,
Ты к нам пришла в заре рассветов,
Ты, власть рабочих и крестьян,
Ты, власть великая Советов!

4

И пафос начался восстановления.
Могучий гений
Того, кто шел по фронтовым дорогам
Сквозь пламя битв,

Теперь, пылая творческим волнением,
Жизнь новую творит.
Как Фидий, скульптор древности великий,
Резцом своим
Вдохнуть мог душу в мрамор безъязыкий
Движением одним, —
Так человек, отныне ставший богом,
Как властелин,
Вдыхает жизнь в нутро больных, убогих,
Недышащих машин.
Я видел — молот падает, стуча,
В руках у силача, —
И выбиты болты, и ржавые их гнезда
Кровоточат.
У паровозов вынимают гвозди,
Как пули из груди, —
Как пули из груди героя,
Раненного
На поле боя.
О, я видал, стоят в углу калеки —
Котлов ряды,
У них из глаз стекают нефти реки,
Слез борозды.
Они стоят и ждут, как ждут в больнице —
Хирург придет,
И нож в руках искусных заискрится,
Он их спасет.
Потом я видел — паровозы наши,
От ран восстав,
Еще стремительней, еще бесстрашней
Летят стремглав.
Мой брат стоит в заваленном проходе

Разгорячен —
Из рудника затопленного воду
Выкачивает он,
Чтоб жизнь вошла дыханием огромным
В пустой рудник
И чтоб опять ожил в остывших домнах
Огня язык.

5

А небо в том году садовником чудес,
Спасителем и другом нашим стало —
Обильным жемчугом с небес
Поля и доли наши орошало.
Крестьянин в том году, упорен и могуч,
Горел энергией и вдохновеньем,
Боролся он за каждый солнца луч,
Вел заступы и плуги в наступленье.
Он, как титан, упорно землю рыл,
Едва лишь на долине снег растаял.
Шли люди на поля, как горные орлы
Летят на ребра гор могучей стайей.
Прошедшим годом горько умудрен,
Засеял каждый дворик и поляну,
Жену, детей с собою вывел он,
Трудился с ними долго, неустанно.
В атаку шел, как будто враг кругом,
Вооружась орудьем земледельца,
Вдыхая жизнь в земной холодный ком,
Врезаясь в каменную грудь ущелья.
Из-под тяжелых вековых камней
Он землю просто выгребал руками.

Дать может воду для сухих полей
В руках у человека даже камень.
По стаду и по тощим закромам
Неурожай ударил прошлогодний —
Закалку дал минувший голод нам,
Его мы не забыли и сегодня.
Шумит пшеница в зрелой желтизне,
Ласкает ветер вызревшую ниву,
Среди полей завив струю игриво,
Купаясь в золотистой их волне,
Расчесывает у колосьев гриву.
Пахнуло вдруг от вызревших полей
Обильем и довольством урожая.
Здоровьем и дородностью своей
Так манит нас невеста молодая.
Стоит крестьянин. Поле из-под ног,
Сужаясь, убегает бороздами.
Стоит крестьянин, точно новый бог,
С обветренными смуглыми щеками.
Ведь для того был труд суров и жарок,
Чтоб Красной Армии подарок
Послать он мог.

ЭПИЛОГ

А энергий мощь светом бьет в глаза
И к сердцам людей мчится кровью чистой,
Вертит, как мотор осью колеса,
Пишет, точно холст, жизнь могучей кистью.
Человек растет, как гигантский дуб,
С каждым часом он крепнет и мужает,

С каждым новым днем он берет уступ,
Открывает жизни новые скрижали.
Кровь рабочих он, плоть рабочих он,
И на подвиг он, как герой, способен,
И, мечтой отцов с детства окрылен,
Вырос он красив, мудр, богоподобен.
Ждите, будет миг, ждите, будет час —
Это вам поэт предрекает, боги, —
Будет светлый день, и, крылатых, вас
К звездам поведут новые дороги.
Победили вы голод, жар и зной,
Дали вы толчок к счастью мировому.
Повелите вы — и тогда земной
Повернется шар по пути другому.
Будет на земле, я уверен, так:
Вы янтарный жар выжмете из солнца,
Где царите вы, там бессилен мрак, —
Светом новых солнц вся земля зальется!
Станет ни один вам не страшен враг,
Раз природу вы в схватке победили.
Да! Это боги были,
Пожелали так,
Так заговорили!

ШИРКАНАЛ-БОЛЬШЕВИК

ПРОЛОГ

Пришел я,
Пришел, чтоб, радости полна,
Звенела эта песня тут;
Два года создавал ее
Творцов твоих великий труд.
Пришел приветствовать тот край,
Которым долгие века
Владел стрекочущий напев
Неугомонного сверчка.
Пришел я,
Поцеловать пришел я край,
Издrevле бредивший водой:
Теперь здесь плещет молоко
И мед струится золотой.
Ты создан, Ширканал. Тебя
Поил по капле пот людской,
Теперь он плотью стал твоей —
Быстротекущею рекой.
Ты слышал тысяч кирок звон,
Испуганного камня дрожь;
Гимн изобилью ты поешь,
Основу новой жизни ткешь

Полям, что ты животворишь.
Тебе привет! Я твой поэт.
От всех поэтов всей земли
Тебе, о Ширканал, привет!

1

О, Ширканал! Он — большевик,
Из мудрой сказки великан!
Он пьет, и держит Арпачай
Пред ним свой ледяной стакан.
Зарывшись в изумруд речной
Победоносной головой,
Смеясь, на лоно Капса он
Волну швыряет за волной.
Дугообразен путь его.
Как он велик и как силен!
Ширака знойного простор
Двумя руками обнял он.
Восторженна его любовь,
Лелеет он лугов ковер.
Ты скажешь: много сотен лет
Его томил любовный жар.
И ощущений дивный дар
Ему самой природой дан.
В его могучем сердце — страсть.
Дрожит его точеный стан.
Друзей во встречах узнает
Поток его журчащих вод.
Прислушайся:
«Привет! Привет!» —
Студеная волна поет.

О, Ширканал! Он — большевик.
 Ту степь сухую, что гола,
 Убога и разорена
 И солнцем выжжена была,
 Нарядит, как невесту, он
 В зеленый бархат, в белый шелк,
 Он даст ей серебро росы
 И золото жужжащих пчел.

Как вьются струйки на свету!
 О, как им весело блеснуть!
 Мерцает там — вдали, вдали —
 Воды пленительная сеть.
 Так обнял землю Ширканал,
 Что застонала та, припав
 К возлюбленному своему;
 И никнут пряди томных трав.

И ни селенья, ни поля,
 Ни каменные города
 От зноя летнего теперь
 Не пострадают никогда.
 Как настоящий большевик,
 Не забывая ни на час,
 О каждом помнит, —
 Ширканал
 Теперь заботится о нас.

О, Ширканал! Он — большевик.
 Великим веком порожден,
 Он не иссякнет никогда,
 Вовеки славен будет он.
 Кто слышал взрывы? Кто видал,
 Как в бездну рушится гора?
 По арпачайским берегам
 В атаку шли, крича «ура!»,
 Бойцы геройского труда...
 Тогда рождался Ширканал,
 И, руку протянув, герой
 Ему, растущему, сказал:
 «Иди — и чудеса твори.
 Цвести селенья будут там,
 И будет новый человек
 Ходить по новым берегам.
 Дабы напился жаждущий,
 Дабы голодный сытым стал, —
 Живи, гюмрийский богатырь,
 Наш несравненный Ширканал.
 Гостеприимен будешь ты,
 И благороден будешь ты,
 И будет сердце у тебя
 Непревзойденной доброты».

О, Ширканал! Он — большевик.
 К селеньям дальним устремясь,
 Распространяясь, он распластал

Нежнейших вен живую вязь.
И вот для множества людей
Лучистым станет он огнем,
И будут тысячи людей
Свои надежды черпать в нем.
С горы в долину смотрит Капс,
Рожок пастушеский поет:
«Услышьте близкий плеск воды,
Мне виден блеск прохладных вод».
И в Полигоне тишина,
И мнится — шепчет Полигон:
«Ко мне, прекрасная вода!
Я жду; ты видишь: я влюблен».
И Ортаклис зовет волну,
А сердце молотом стучит,
Спешит, могучий водный ток,
Не то весь округ закричит.
И Гонакхрану — Топарлу
Подмигивает...
И тогда
Вступает в хор Хаджи-Назар:
«Вода идет. Идет вода!»
Слух — из Дюэканда в Капанак,
Из Илхиаби в Тапдоллак.
Поют селенья о воде,
О радостных ее делах.
Слух пробегает по траве,
Взбегает на вершины скал:
«К нам — большевик Армении —
Уже подходит Ширканал».

Еще умеет Ширканал,
 У Капса прочертив дугу,
 Обняв долины стройный стан,
 Стать водопадом на бегу,
 И ринуться вниз головой,
 И в Арпачай вбежать опять,
 И в этой бешеной борьбе
 Навек непобедимым стать.

Скажите мне, где тот певец,
 Который силу восхвалял?
 Хвала тебе, ширакский лев,
 О лунногривый Ширканал!
 Пусть зори светлые твои,
 Сияя, осенят дома,
 Пред молнией динамо пусть
 Рассеется ночная тьма.
 Так пусть же электронный дождь
 Тревожит мысль, рождает мощь, —
 Селеньям укажи пути,
 Ширакский лев, крылатый вождь!

Как ты прекрасен, Ширканал!
 Видна мне вся Армения.
 В дали грядущего видна
 Твоя кипучая волна.
 Еще могучий Ширканал
 Умеет управлять конем,

Который силой знаменит,
Который знаменит огнем.
Его дыханье — жарче гроз,
Подковой конь о землю бьет —
Тогда работает завод
И плуг по целине идет.
Страна, которая века
Была безмолвна, как кремень,
Могучей песней трудовой
Встречает наступивший день.
Века немотствовал Ширак
И слезы лил.
Пусть громче всех
Сегодня он заговорит.
Пусть будет звонок юный смех.
О, слишком долго ты, Ширак,
В руках чужих людей страдал!
Но — большевик Армении —
Жизнь озарил нам Ширканал!

ЭПИЛОГ

Не страшно умереть в тот день,
Не страшно умереть в тот час,
Когда великий Ширканал
Увижу я еще хоть раз.
Я слышал первый гул труда,
Свидетель муки родовой.
Селенья, нивы и сады
Теперь взлелеяны тобой.
Густых садов и цветников

Ловлю я запах, чуть дыша,
И молодеет вновь моя
Седая, старая душа.
Тысячеокой ночи свет,
Струя тончайшие лучи,
Забрезжит снова предо мной,
Как звезды в сказочной ночи.
Заводов громкие гудки
Меня окликнут наконец;
Приветствуя свою страну,
Взовьется пламенный багрец.
Армении великий сын,
Ты — большевик, о Ширканал.
Титан — со светочем в руках, —
Ты матери своей предстал.

1924

ВОЛХОВСТРОЙ

Советская власть + электрификация =
коммунизму.

Ленин

ПРОЛОГ

Ты появился в трудный час среди просторов
снеговых,
Когда великая страна стонала в муках родовых,
Когда сквозь голод, стужу, тиф, среди лишений
и невзгод,
Дорогу к счастью проторив, шагал в грядущее
народ.
Ты появился в тяжкий год в удушливом дыму
атак.
На юге враг тебе грозил, звероподобный лютый
враг.
И, вся охвачена огнем, в горниле яростной
борьбы,
В тисках осад, в огне блокад земля вздымалась
на дыбы.
Ты родился в тревожный час, когда враги внутри
страны
Ножи точили против нас, коварной злобою
полны,

Средь ночи от столба к столбу огни летели за
окном.
Я весь пронизан ими был, я сам летучим стал
огнем;
И тысячами голосов меня окликнули огни.
Я улыбнулся им. В ответ мне улыбаются они.
Они приветствуют меня, и этот огненный привет
Еще на подступах, в пути, всем сердцем ощутил
поэт.
...Сверкали звезды за окном, переливаясь
впереди.

Я из вагона вышел, и песня родилась в груди.
И было радостно огням, что я с Кавказа прибыл
к ним.
Южанин, в северной ночи я не казался им
чужим.

2

Опорой стало для мостов ущелье древнее реки.
Встают бетонные быки, они, как скалы, высоки.
Дубы и сосны сдвинув с мест, с родной
насиженной земли,
Подъемных кранов рычаги их над рекою
вознесли.
И запах смоляных досок плывет над громом
эстакад.
И напоил собою всё пьянящий свежий аромат.
И стрелы кранов, словно лес, и здания
стремятся ввысь,

И на́ плечи ложится груз, и слышен крик:
«Поберегись!»
И арматура, что сейчас кривыми прутьями
торчит,
Спаяет накрепко цемент, чтоб стал он крепче,
чем гранит.
Уже рождается бетон, устои новые крепки.
И стены встали с двух сторон, бурлящим струям
вопреки.
Они воздвиглись над водой, как бы восстав со
дна реки,
И покоренная река взята в бетонные тиски.
И чудится, что город весь со дна реки поднялся
вдруг —
Плотины эти, корпуса, могучий этот виадук.

8

Страна титанов родила, что силой своего труда
Возводят стены и мосты и поднимают города.
Она вскормила грудью их и закалила их в огне,
Дала им скалы обтесать, что громоздятся в
вышине.
Был камень взрывом потрясен, гранит распался
на куски,
И снова возродился он, украсив берега реки.
Что есть прибрежная скала? Стихии
первозданный плод,
Напластование эпох, нагромождение пород,
Но прикоснется к ней титан, людскую мощь
приложит к ней,

И станет зданием она — не сыщешь краше и
стройней.
Будь мужественным, приходи и это русло измени,
Чтоб пароходы здесь прошли, чтоб всюду
вспыхнули огни.
Будь мужественным, приходи и древний Волхов
обуздай,
Преобрази и перестрой далекий нелюдимый край!
И создатели пришли, и, словно чудо из чудес —
Творенье воли и труда, — возникла Волховская
гэс.

4

Необозримый Волховстрой, огни несчетные его —
Победа ленинских идей, советской власти
торжество.
Ты видишь весь в лучах дворец, что отражен
в речной воде.
Скажи, не солнце ли само сегодня держит он
в узде?
Сегодня держит он в руках десятки тысяч
киловатт,
Живительный могучий ток он посылает
в Ленинград.
В цехах моторы движет он, трамваи
направляет он.
Огромный город в этот час его лучами озарен.
И полон света Ленинград, и, звездоокому, ему
Ни нефть, ни уголь не нужны и торф чадающий
ни к чему.

И пригороды и дома похорошевших деревень
Озарены венцом огней, как будто здесь не ночь,
а день.
Необозримый Волховстрой, лучи горящие его —
Победа ленинских идей, советской власти
торжество.
И песня солнечных турбин слышна в окрестных
городах.
Победы песня, зов труда у всех сегодня на
устах.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Исчезли штабеля досок, что кранами вздымались
ввысь.
Взгляни — на берегах реки большие зданья
поднялись.
Фундамент прочен и глубок, стоят надежно
корпуса.
С площадок мусор увезли и сняли шаткие леса.
А брызги бьются о гранит, поет и пенится вода.
И шум реки и гул турбин слились в симфонию
труда.
И чудо-станция стоит в короне золотых огней,
И волны плещутся вокруг, как будто
рукоплещут ей.
Бушуют волны у турбин, нетерпеливые кипят.
Сплошной текучею стеной уже спадает
водопад.

И под напором тяжких вод турбины каждый
оборот
По бесконечным проводам лучи живительные
шлет.
Потоки света прямиком идут в геройский
Ленинград,
Из цеха в цех, из дома в дом они стремительно
летят.
Как струны, музыки полны, как мускулы,
напряжены, —
Натянутые провода бегут во все концы страны.

2

Я мог бы с лирою сравнить дворец над пеной
бурных вод
Или с органо́м: тронь его — он величаво запоет.
И, эту песню подхватив, цеха далекие поют.
Им сила новая дана, и вдохновенья полон труд.
Страдал немало Ленинград, он дар чудесный
заслужил.
Хотел бы видеть я его сейчас в расцвете свежих
сил,
Когда оседлана река и взнузданный водоворот
Несет энергию в века и счастье городу дает.
И в каждой капле слышу я труда неповторимый
ритм.
Река о будущих годах неутомимо говорит.
И голос слышится живой в немолчном рокоте
турбин:
Я светоносный Волховстрой, я Севера могучий
сын.

Я видел множество невзгод, но для меня
препятствий нет.
И я победу одержал, я весь — движение и свет».
Вода бурлит, вода звенит, летит над миром
песня-клич:
«Да будет так, да будет так, как в планах
начертал Ильич!»

3

А сколько Волховстроев нам еще воздвигнуть
предстоит?
Ведь это первый опыт наш, а путь в грядущее —
открыт.
Мосты, плотины, корпуса создаст повсюду
вольный труд,
Как золотые пояса, огни отчизну обовьют.
По всей стране десятки солнц сверкнут коронами
лучей,
Развеив прошлого туман, уныние былых ночей.
Что наш вчерашний день? Нужда, насилье,
ссылка и тюрьма.
Многострадальные сердца окутывала злая тьма.
Сегодня — светел новый мир, сегодня — радости
заря
Встает над нами в ранний час, свое сияние даря.
Без ярости вчерашний день сегодня вспомнить я
не мог.
Сегодняшний счастливый день уже вступает на
порог.
Величественный Волховстрой — в грядущее наш
первый шаг,

«Ты с нами, дорогой Ильич, ты в созидании
живешь.
Предначертания твои сбываются, великий
вождь».

ЭПИЛОГ

Нет Ленина... Но Волховстрой — его идеи
торжество,
Живое воплощение дум и светлых замыслов его.
Нет Ленина... Но есть его непобедимые сыны,
Они заветам Ильича, идеям ленинским верны.
Берись за дело, Волховстрой, неси энергию
стране.
Пусть хорошеют города, и села — с ними
наравне.
Опять грозит блокадой враг. Ответ здесь может
быть один —
Побольше хлеба и угля, побольше ситца и
машин.
Ты наша слава, Волховстрой, тобой гордится
наш народ.
Ты человечеству всему указываешь путь вперед!

1 февраля 1925
Волховстрой

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПОЭМА

Фрагменты

1. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ

Вот место казней и расправ, былого черное
Со злобой в каменной груди таится над Невой пятно.
Кто придал крепостным стенам их мстительный, оно.
Какой неистовый сатрап?.. Тень самодержца зловещий вид?
здесь царит.

Окровавлённым палачом стоит тюремный бастион,
И — обезглавливанья знак — в чело гранита меч
Как будто некий великан пустил блестящую вонзен.
И, взвившись в высоту, стрела вонзилась в
облачную мглу.

Глядишь ты, крепость, как жандарм, через Неву
Где самовластье обрело заслуженный конец, на тот дворец,

Печалишься, что мысли взлет, мечта героев-
бунтарей
Беду лихую навлекла на мрачную судьбу царей.

Ужасный замок крепостной! Гигантской мертвой
головой
С пустыми впадинами глаз чернеешь над ночной
Невой.

Здесь что ни камера, то склеп, могильный
недоступный свод,
Здесь каждый камень, каждый столб —
жандармов и царей оплот.

Здесь, в клетке каменной томясь, тоской по
свету обуян,
И Чернышевский увядал, и ждал кончины
Налбандян.

Как много доблестных людей, в тюрьме
рассудком помрачась,
Кончали ядом иль петлей, — и пламенник их
жизни гас.

Да, не случайно первый залп «Аврора» — светлая
заря —
Дала у самых стен твоих салют приходу
Октября!

Да, Петропавловская крепость!
Над местом казней и злодейств зажег огонь
своих лучей
Законный всенародный гнев, предвестье смерти
палачей!

2. ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ

Бывало, Зимний, над Невой суров и мрачен ты
стоял, —
Как будто хищник, жертв ища, широко крылья
распластал.
Не твой великолепный блеск, не роскошь
гордую пою, —
Нет, заклеить хочу стихом жизнь миновавшую
твою.
Бесславен был твой неприступный вид!
Ты преступленьями дышал, таинственен и
ядовит,
Доколе дух не испустил последыш Николай
Второй.
А сколько храбрых казнено, с невинной, чистою
душой,
Живых погашено умов, горячих юношеских
сил, —
Тех, кто свободы и борьбы высоко знамя
возносил!
Непроторен был славный путь, которым
доблестные шли:
Рылеев, Пестель, Муравьев невинной жертвою
легли.
И что ж! На виселице вдруг петля гнилая
порвалась,
Когда испуганный монарх, как зверь в засаде
притаясь,
Приказ свой отдал роковой: «Казнить безумцев
декабря

Через повешенье!» Палач исполнил приговор
царя.
Тогда, за Муравьевым вслед, вздохнула каждая
стена
И глухо молвила: «Увы! Россия, бедная страна,
Где не умеют и петлю на виселице затянуть!»
Но был еще не завершен кровопролитий гнусный
путь:
Девятьсот пятый год настал. Был день девятый
января.
Вот и балкон... Толпа внизу... Народ напрасно
ждал царя!
Расстрел... Был грозен на снегу рабочей крови
свежий след...
Восстал Путиловский завод: изголодались, хлеба
нет!
А царь послал свинцовый град им,
«взбунтовавшимся», в ответ.
Отсюда на маньчжурский фронт с молебнами он
гнал народ, —
Гнал тех, кто проклинал войну в тот черный и
кровавый год.
.....
Дворец, забывший о царях, могилой быть ты
перестал.
Доподлинным, для всей страны, народным ты
музеем стал.
Дворец, чьи залы омрачал позор и срам былых
времен,
Теперь ты поднял красный флаг и к славе новой
приобщен.

8. ПУТИЛОВЕЦ

В багровом пламени рожден,
Под алым знаменем рожден,
Теперь Путиловец-завод
В народе Красным наречен.

Путиловец, родной гигант, живешь ты больше
сотни лет.
Тебе привет от сердца шлет рабочий ветеран-
поэт.
Я славлю твой великий путь, омытый кровью
трудо-
вой,
Я славлю нынешний твой день, вошедший
в песни подвиг твой.
Исаакий, Крепость и Дворец — три давних
недруга твоих, —
Ты, старый большевик, боец, стоял бесстрашно
против них.
В твоих объятиях росли герои нынешних времен,
И каждый выкован тобой, подобно стали закален.
Ты, если издали взглянуть, спокойным кажешься
на вид,
Ты, как высокая гора, туманным облаком повит.
Но сколько скрытого огня под скромным
обликом твоим.
Взрастивший армию труда, ты стоек и непобедим.
В тебе вулканом клокотал народа справедливый
гнев,
Ты против трех своих врагов в атаку ринулся,
как лев.
И люди двинулись на штурм, и горизонт пылал,
багров.

Кто в этой схватке победит, в жестокой схватке
двух миров?
Разверзлись тучи, разрешась от бремени, меча
грома,
Мечами молний грозových рассечена густая тьма.
В цехах — шипение паров и молота тяжелый
стон,
Вулканов лавой огневой свинцовый сумрак
озарен.
Железа лязг и гул грозы всё заглушает в этот
миг.
То голос сердца твоего, священной ярости язык.
Ты долго этот гнев копил, и в тиглях плавился
металл.
Жестокой тирании гнет терпеть не в силах, ты
восстал.
Восстал с оружием в руках, святой решимостью
объят,
И, сотрясая целый мир, забил неистово в набат.

Поэма подвигов твоих в суровом рождена бою,
И я, рабочий твой поэт, — я о тебе сейчас пою.

4. В ТУ НОЧЬ

В ту ночь винтовок мощный хор, свободу славя,
грохотал.
Весь Питер песнями звенел, гремел разбуженный
металл.
И пулеметы на валах не умолкали до утра,
И, как симфония борьбы, крепчало гулкое «ура!»

Мортиры речь свою вели, штыки щетинились,
остры,
И полыхали на углах красногвардейские костры.
«Аврора» подала сигнал, зарокотал могучий бас.
«Эй, ухнем!» — грянула она, и наступил
восстанья час.

«Эй, ухнем!» — подхватили все, сигналом тем
окрылены.
На правый бой, на грозный бой идут рабочие
сыны.
С винтовками наперевес идут в атаку и поют:
«Вся власть Советам!» Их девиз: «Владыкой
мира будет труд!»

Орудий ухали стволы, гранаты меткие рвались.
Все выстрелы, все голоса в одну симфонию
слились.
«За власть Советов! — хор гремел. — Кто против
нас — с дороги прочь!»
Рабочей диктатуре путь мы расчищали в эту
ночь.

И, как гадюки, во дворце свернулись недруги
в клубок,
Засели в Зимнем юнкера, но всё равно их срок
истек.
На Запад Керенский бежал, в отрепье женское
одет.
С «Авроры» орудийный гул катился беглецу
вослед.

Чудесен сон твоей Невы, твои мосты, твои сады.
Влекут таинственной красой проспектов ровные
ряды.

А нежность майских вечеров! Ночей июньских
волшебство!
Возникло ль в дымке заревой из некой сказки
существо?
Ни солнца в небе, ни луны... А нега ночи так
тепла!
И смотришь, и не знаешь сам — заря погасла
иль взошла?

2

О город Ленина!
Я, как безумный, день и ночь бродить по улицам
готов,
Любуясь прямою их, решетками густых садов.
Вот на фасаде у дворца колонн отряд
сторожевой, —
И мнится: то огромных струн натянутый на лиру
строй.
У стен твоих пурпурный цвет, и тротуаров ал
гранит,
И твой закат — из кумача, багрянцем твой
восток горит.
Не оттого ль ты алым стал, что этот камень
и металл
Самоотверженных бойцов кровь неповинную
впитал?

А вот и Знаменка твоя, ее простор и вечный
шум...
Как много вспоминаешь здесь! И сколько
возникает дум!
Тут эпитафию царю на камне высек наш
Демьян, —
По всей стране ворон пугать поставлен на смех
истукан! ¹

3

От февраля и по октябрь борьбу вели мы:
Событий молча ожидать горячий сердцем
не привык
большевик.
Нет, сам оковы он сорвет, насилье победит
в бою,
Бороться будет день и ночь и волю утвердит
свою.
И встал Путиловский завод, и вывел тысячи
бойцов.
Обуховцы и нарвцы шли, не счесть их
сплоченных рядов!
И царский сгинул Петроград в Октябрьской
буре в ночь одну.
И подлый Керенский сбежал, вернуть не в силах
старину!

---

¹ Речь идет о снятом в настоящее время памятнике Александру III, на котором были высечены сатирические стихи Демьяна Бедного.

Не пулей чудо свершено, не пушкою и не
штыком, —
Ночной Октябрьский штурм, ты был народной
воли торжеством.
Была то воля всей страны, ее порыв, ее
размах, —
Победу взял рабочий класс, скопивший ненависть
в сердцах.

4

По алым улицам твоим, в твоём багрянце,
Ленинград,
Теперь я каждый день брожу, на всё бросаю
зоркий взгляд.
Брожу без цели, а кругом толпы волнуется
прибой.
Почтенья полон и любви, не налюбуюсь я тобой.

В дни Октября в твоих рядах не привелось
бороться мне,
Но бурь искавшая душа была с тобой,
не в стороне.
Пусть кровью жаркою в те дни я твой гранит
не обагрят,
Но для победы Октября всю жизнь я песнями
пылал!
Смотрю, вот девушка идет в платочке алом,
заревом, —
Она спешит на свой завод, ее глаза горят
огнем:

ГОРОД

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

...Мне сказал отец родной:
«Милый сын, и ты иди работай.
Пусто наше хлебное корыто,
Слово «радость» в доме позабыто.
Милый сын, и ты иди работай!»

Попрощалась мать со мной:
«Милый сын мой, ты силен и молод!
Кто тебя в работе неустанней?
Принеси приданое Майане,
Помоги нам! Ты силен и молод».

Так прощайте вы, наш дом и сад!
Мой отец остался без опоры,
Высох от налогов и поборов.
Мать моя с сестрою коз доят,

Но соски у коз иссякли, выжаты,
Нет ни капли, сколько ни тяни.
Я иду... О город, помоги же ты
И моих надежд не обмани!

Прибыл в город и пошел вначале
 К Иваненцу я в вечерний час.
 Вы, ребята, знаю, не встречали,
 Не видали этаких богатств.

Здесь и без луны светло ночами.
 Вспоминаю я наш сельский пруд:
 Схожие с большими лебедями,
 Пароходы по морю плывут.

Нет! Таких чудес вы не видали, —
 В воздухе машинный гул и дых;
 В облаке паров, как в одеяле,
 Чудища заводов нефтяных.

Вал огромные колеса кружит,
 Всё вокруг и свищет и гремит,
 Словно гул от сотни крупорушек,
 Словно бешеный Тартар шумит.

Пахнет нефтью. С моря норды мчатся,
 На руках и на лице — мазут.
 Говорят, рублей за восемнадцать
 В месяц на работу здесь берут.

Толковали нам про этот город,
 Будто в нем лежат на мостовой
 Серебро и золотые горы.
 Кто теперь поверит лжи такой?

Вот он есть какой, Баку хваленый!
Вот какой, наперекор хвале, —
Здесь хлеб, слезами просоленный,
Горький и невольнический хлеб.

3

«Принимай, Тюни,
Письмо с приветом.
Только что с работы я пришел.
Прочитай,
Но не сердись при этом,
Что написано нехорошо.
На окне писать я примостился,
Над грохочущим маховиком.
Ты б, его увидев, удивился,
Чертовым назвал бы колесом.

Расскажу тебе, что он такое:
Видел ты большие жернова
В мельнице, над нашею рекою?
Маховик их больше раза в два.

Ну, о чем еще писать —
Не знаю.
Да, вот
Чуть было не позабыл:
Семь рублей тебе я посылаю.
Я за этот месяц их скопил.

Я зимой приеду,
Срок далекий,

Пусть не обижается сестра.
Я одежды прикуплю немного...
Ну, прощай. Уж поздно,
Спать пора».

4

«Ты мне пишешь — «засуха», «приеду»,
Будто я скажу — «не приезжай».
Жду тебя! Другого нет ответа.
Ты приехать должен, только знай:

Здесь тебе сестра иль мать не будет
Ни заштопывать рубах, ни мыть,
Но зато у нас умеют люди
За короткий срок ума скопить.

Сходен человек с куском железа,
Из железа можно всё сковать.
Может стать оно и ценным, и полезным,
И мечом, и плугом может стать.

Ты услышишь, как машины дышат,
В проволоке грозный ток живет:
Электричество.

Оно-то движет,
Зажигает звездами завод.

Ах, Тюни! Когда же будет это,
Чтобы мощь машин и силу света
Подчинил и взял себе народ!»

1912

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Совершилось. Миновали сроки.
Вновь живут в Баку Оан с Тюни,
И в года великой нашей стройки
Были не последними они.

Был их путь — подполья путь суровый,
В тюрьмах — годы, на свободе — дни.
В ссылке долго был Оан в Тамбове,
И в тюрьме Баиловской — Тюни.

И в октябрьском пламенном горниле
Братья, словно сталь, закалены,
Поднялись в суровой зрелой силе
Родины надежные сыны.

Вспоминая путь свой незабвенный,
Как деревья, полные плодов,
Роще молодого поколенья
Оба скажут много верных слов.

2

Иногда, вечернею порою,
Братья сходятся потолковать,
Вспомнить время темное, былое,
О своей работе рассказать.

Говорит Оан: «Тюни, я знаю,
Хоть седьмой десяток мне, ей-ей,

Я умру, кувалду подымая,
За работой в кузнице моей.

Хоть, пожалуй, тело одряхлело,
Но моя привычка такова:
Не могу уснуть, не сделав дела,
Не уйду домой, не доковав.

Вспыхивает молодая ярость,
Вновь любая тяжесть по плечу,
Как одежду сбрасывая старость,
Счастье внукам выковать хочу.

Не вернуться к нам былые беды,
Мы теперь свободны навсегда —
Победила наша власть Советов,
Власть освобожденного труда».

3

В свой черед Тюни Оану, брату,
Говорит задумчиво в ответ:
«Да, мы много горечи и яду
Выпили из чаши прошлых лет.

Страшно даже вспомнить, как бывало
Пусто в доме, пусто в кладовой.
Саранча в пустыню превращала
Поле кукурузы золотой.

Если же в карманы попадало
Несколько копеек иль грошей, —
Лапа старшины их отбирала,
Ну а бек был саранчи страшней.

Пусть же будет вечной власть народа!
Нам — завод, крестьянину — земля.
Все товары нам дадут заводы,
Хлеба вдоволь нам дадут поля.

Всем у нас открытая дорога,
Только лишь работай не ленясь.
Много сделал — заработал много.
Честность — сила главная у нас.

Где народов рознь? Вражда соседей?
Нет ее! Могуч советский строй!
Всей страной стремимся мы к победе,
Движимые волею одной.

И в родном селе, в глухом ущелье
Исчезает вековая тьма.
Едут земляки на новоселье
Из лачуг в хорошие дома.

Реки нам дадут потоки света,
Между гор заводы загудят.
Мы живем с тобой и видим это,
Сердце радуется, о мой брат!»

А потом два брата вспоминают
 Про года подпольные свои.
 Книгу прошлых лет они листают,
 Давних дней, мерцающих вдали.

«Ну, еще, Оан, ты Расскажи мне
 Про Степана и про пятый год».
 — «Часто Шаумян под ливнем зимним
 Приходил пешком на наш завод.

А Мирук-Мелик! Желанным гостем
 Он в любом селе тогда бывал.
 Как стрелой, отравленной и острой,
 Словом он дашнаков убивал.

С нами шли тогда к единой цели
 Джугашвили, Ладо Кецховели.
 С нами шли Али, Гнуни Богдан,
 Джапаридзе был и Спандарян...»

И решили так между собою
 Братья, коротая вечера:
 «Ехать нам пора в село родное
 И колхоз основывать пора».

«Тридцать лет труда я отдал, брат мой,
 Нашему Баку, — Оан сказал. —

И меня село зовет обратно,
Чтобы я крестьянам помогал.

С кулаком расправимся сначала
И во всем поможем землякам.
Милый брат, ведь мы еще, пожалуй,
Не совсем состарились пока?»

1931

КРАСНАЯ АСТХИК

1

Из дальнего нагорного села
Ко мне неожиданно весточка пришла:
«Поэт, хоть мне ваш облик неизвестен,
Но я живу дыханьем ваших песен...
Без матери, оставшись сиротой,
Тружусь одна, со мной лишь дед седой,
Работы не боюсь — люблю трудиться,
Но есть в душе одна мечта: учиться,
Да нет рабфака в нашей стороне, —
Хотелось бы в Тифлис поехать мне.
И вот я обращаюсь к вам, поэту, —
Прошу помочь найти дорогу к свету!»
Отчетлив, прост письма ее язык,
Стояла подпись под письмом — «Астхик».
...Не для того ль, чтоб всё яснее стало,
Она письмо стихами написала...

2

Я был в восторге: нынче и в глуши
Горит огонь взыскательной души
И жажда света и образованья.
В ней, кажется, есть искра дарованья, —

Я непременно должен ей помочь!
Я вспомнил прошлых лет глухую ночь,
Безграмотные города и села.
Теперь везде раскрыли двери школы
И юность жадно устремилась к ним,
Как жаждущий олень к ручьям лесным.
Я написал Астхик без промедленья —
Просил приехать, взяв стихотворенья.
Я знал, что будет дорог ей ответ, —
Ведь жаждет знания молодой поэт.
Я написал, а сам уехал вскоре
По делу, — дел у нас сегодня — море!

3

Через недельку, возвратясь домой,
Я девушку увидел пред собой:
Толстушка, низкоросла, краснолица,
Дичок лесной, глядит — всему дивится.
Кругла лицом, как полная луна,
Видать, упряма и сильна она.
И старики соседи с лаской отчей
Шутя ее прозвали «Лунной ночью».
«А где остановилась ты пока?»
— «Да у рабочего, у земляка,
Но только места нет у них, так тесно,
Пока живу, а дальше — неизвестно...»
Краснея, предо мной она стоит —
Настойчивый, хоть и смущенный вид.
Астхик в своем решеньи неизменна:
«Я буду на рабфаке непременно!»

«Ну что ж, пока поступишь на рабфак,
 Живи у нас». И порешили так.
 Гляжу: с утра приходит к нам с узлом,
 И стал родным ей наш семейный дом.
 ...Беру ее заветную тетрадь,
 Читаю и не знаю, что сказать.
 Вновь перечитываю восхищенно,
 Потом берусь за трубку телефона
 И в Наркомпрос звоню, прошу друзей
 Устроить на рабфак ее скорей, —
 Способная, мол, девушка, и нужно
 Помочь ей всей семьей советской, дружной.
 Ей надо в общежитьи место дать —
 Крылатым помогаем мы летать.

Сумели люди ей помочь, и вот —
 Уж в общежитьи девушка живет.
 Но самому мне думалось порою:
 Быть может, на завод ее устрою, —
 Стихи ее посвящены труду.
 Она писала: «Где исход найду,
 На что мне эти руки, эта сила?
 Я производству верно бы служила!»
 Так говорила скромная Астхик, —
 В ее стихах души горячей крик.
 ...И вот однажды девушка приходит
 И говорит: «А я уж на заводе».
 Улыбка на губах ее дрожит,

Такой счастливый и довольный вид...
«Я комсомолка и молотобоец,
Меня вы «Новым утром» звали к бою».

6

Была пора: в уныньи деревень
У женщин проходил короткий день
В обыденных заботах о домашнем.
Теперь — не то, развеян мрак вчерашний.
У наших женщин — равный с нашим труд,
Они согнут любой железный прут.
Своим высоким качеством работы
Астхик зовет товарищей к полету!
День ото дня ребята вместе с ней
Работают упрямей и складней.
Всем это чувство новое знакомо —
В нем скрыт секрет рабочего подъема.
Одним стремленьем все сердца зажглись, —
Растет фундамент нашей стройки ввысь.
Как будто сотни рук в едином жесте
Слились. Работа стала делом чести.

7

«Днем на рабфак, а после — на завод,
Там — в общежитье... Дни бегут вперед.
Живем мы как одна семья — все двадцать,
И весело живется нам, признаться.
Все двадцать юных радостных подруг
Вошли в один веселый общий круг.
У нас уже газета есть стенная,

А я редактор, честь-то мне какая!
А выдастся свободная пора —
Поем, устраиваем вечера...
Внимательно мы Ленина читаем,
И учимся, и устали не знаем.
Наш комсомольский дружный коллектив
И весел, и весьма трудолюбив», —
Так говорила мне Астхик, бывало,
А на губах улыбка расцветала.

8

Ее зовем мы «Лунной ночью» зря —
Она у нас как вешняя заря.
Она теперь уж секретарь ячейки,
То тут, то там сверкают косы-змейки.
Полна стихами синяя тетрадь:
«Хочу скорее инженером стать
И доказать, что не слабей мужчины
В науке мы и у любой машины...»
Астхик мечтала о труде, о знаньи,
И вот сбылись, сбылись ее желанья,
Горит над ней высокая звезда
Большого вдохновенного труда.

9

Промчались годы, быстрые как миг,
И коммунисткой сделалась Астхик.
Пришла ко мне, серьезней, чем дотоле:
«Теперь, мол, говорит, я в высшей школе,
И на заводе ремеслу учусь,

Я знаю, что желанного добьюсь.
Наука и завод — всего дороже,
Ведь знание бригадиру нужно тоже!
Ударницей и мастером зовусь,
А время всё же нахожу — учусь.
Мы в жизни все как кузнецы у горна,
И — что ни день — должны расти упорно».
... Да будет вечно жизнь твоя светла,
Упрямица из дальнего села!
Всё шире путь ее — просторный, гордый.
Моя Астхик за труд имеет орден.

10

И вот Астхик окончила свой вуз.
Быть может, скоро весь большой Союз
Об одаренной девушке услышит, —
Она растет, идет всё дальше, выше.
Нам часто с ней встречаться недосуг,
Но пишет мне мой беспокойный друг:
«Есть у меня одно изобретенье,
Но это тайна, мой поэт, терпенье!
А то еще, пожалуй, скажут нам:
„Судите по делам, а не словам“».
Ну что же, ладно, спрашивать не будем,
Чтоб тайна не досталась злобным людям, —
Ловить готовы каждый слух враги...
Астхик, свое открытье береги!
А я тебе желаю счастья в жизни,
В твоём служеньи дорогой отчизне.

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящее издание вошли избранные стихотворения и поэмы А. Акопяна, имеющие наибольшую художественную ценность и представляющие историко-литературный интерес.

Сборник делится на два раздела: стихотворения и поэмы. Внутри каждого из этих разделов произведения располагаются в хронологическом порядке.

Тексты печатаются на основе издания: Акоп Акопян. Сочинения в одном томе. М., 1956.

Все стихотворения и поэмы Акопяна, вошедшие в настоящий сборник, сверены с последним их изданием на армянском языке (Акоп Акопян. Собрание сочинений в четырех томах. Издательство Академии наук Армянской ССР, Ереван, 1955—1958), что позволило уточнить названия циклов и отдельных стихотворений, время написания некоторых произведений и т. д.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Честь и труд. В первой публикации стихотворение имело подзаголовок: «Дар армянским ремесленникам».

Твое горе облегчу. *Балá* — дитя.

«Велико наше горе, печаль беспредельна...». Сохранились два варианта этого стихотворения, один из которых имеет подзаголовок: «Моим товарищам — ремесленникам».

Другу детей. Посвящено армянскому писателю и педагогу *Газаросу Агаяну* (1840—1911) в связи с 40-летием его литературной и общественной деятельности. Акопян познакомился с Агаяном в 90-е годы, в редакции журнала «Мурч» («Молот»). «Наша сердечная дружба, — вспоминал Акопян, — длилась вплоть до смерти Агаяна».

Пролетариату. *Молох* — бог солнца, огня и войны у древних финикийцев и карфагенян, которому приносились человеческие жертвы; в мировой литературе — образ капитализма.

Страж. Посылая это стихотворение в журнал «Гехарвест» («Искусство»), Акопян писал в редакцию: «Не удивляйтесь... что я опять пою свою «старую» песню. «Старая», но мотив новый. Вся Россия сегодня стоит накануне новой жизни. Следите ли вы за газетами, знаете ли, что творится в России? Только в Питере 1 мая бастовало 275 тысяч».

Из элегий труда. *Агá* — хозяин, господин.

Националистам. В первой публикации стихотворение озаглавлено: «Из песен жизни».

Сохранились два черновика этого стихотворения, относящиеся к 1912—1914 гг. Один из черновиков имеет подзаголовок: «Подарок В. Менаку». Слово «подарок» здесь употреблено в ироническом смысле: поэт высмеивает своих идейных врагов — армянских буржуазных националистов, одним из которых был В. Менак (Вардгес Агаронян).

Черное золото. *Балаханы* — рабочий пригород Баку. *Джан* — милый, родной.

Одалиска и дева. *Духан* — трактир. *Кейф* — здесь в значении: пирушка.

Их было двадцать шесть... Посвящено памяти 26 бакинских комиссаров, расстрелянных англичанами в ночь с 19 на 20 сентября 1918 г. близ железнодорожной станции *Ахча-Куйма*. *Шаумян* Степан (1870—1918) — большевик-ленинец, руководитель Бакинской коммуны.

Смерть коммунара. *Шамах* — Шамахян Егише (1895—1921), большевик, предательски убитый *дашнаками* — контрреволюционерами-националистами, около двух лет (1918—1920) находившимися у власти в Армении.

Из мелодий моей красной родины. *Апшерон* — полуостров, на котором расположен Баку. *Манташев* — бакинский нефтепромышленник, миллионер. *Джапаридзе* Прокофий Апресян

нович (1880—1918) — один из 26 бакинских комиссаров, крупнейший деятель большевистской партии в Закавказье. *Азизбеков Мешади* (1876—1918) — один из 26 бакинских комиссаров, руководитель азербайджанского пролетариата. *Спандарян* Сурен Спандарович (1882—1916) — видный деятель большевистской партии в Закавказье. *Гянджа* — город в Азербайджане (ныне — Кировабад), родина Акопяна. *Аббас* — шах Ирана (конец XVI — начало XVII в.).

П р о б у ж д е н и е. *Ширканал* — Ширакский канал, крупное ирригационное сооружение в Советской Армении, построенное в 1922—1925 гг. *Загэс* — Земо-Авчальская гидроэлектростанция им. В. И. Ленина на р. Куре, близ Тбилиси; строительство ее было начато в 1923 г., первая очередь закончена в 1927 г., вторая — в 1938 г. *Айастан* — Армения.

Н а Д з о р а г э с е. *Дзорагэс* — гидростанция на р. Дзорагет (Дебет) в Армении.

Р е в о л ю ц и о н н а я б а л л а д а. Посвящена революционной борьбе грузинских трудящихся в Душете в 1918 г. против вооруженных сил меньшевистского правительства. *Метехи* — замок в Тбилиси, расположенный на высоком утесе над Курой; до революции служил тюрьмой.

В т о у т р о. Написано в 13-ю годовщину установления советской власти в Грузии. *Жор-*

дания Ной — лидер грузинских меньшевиков, глава меньшевистского правительства Грузинской республики в 1918—1921 гг.

ПОЭМЫ

Новое утро. Первая поэма Акопяна. *Ваал* — бог неба, солнца и плодородия у семитических племен древней Сирии, в культе которого были распространены человеческие жертвоприношения. *Вишан* — дракон. *Опока* — ящик в литейном производстве, в который заключена земляная форма для литья. *Гераклит* (ок. 530—470 до н. э) — древнегреческий философ, один из главных представителей античной диалектики.

Из поэмы «Красные волны». Поэма была задумана как продолжение «Нового утра».

Боги заговорили. *Джан* — милый, родной.

Ширканал - большевик. В течение 1923—1924 гг. Акопян несколько раз побывал на строительстве Ширакского канала им. В. И. Ленина. Об этой, одной из первых крупных строек Армении он написал очерк, а затем и поэму «Ширканал-большевик» *Арпачай* — река в Армении. *Гюмри* — старое название Ленинакана. *Капс*, *Ортаклис*, *Полигон*, *Гонакхран*, *Топарлу*, *Хаджи-Назар*, *Дюзканд*, *Капанак*, *Илхиаби*, *Тандоллак* — селения близ Ленинакана.

Волховстрой. Поэма была написана под впечатлением поездок Акопяна на Волховстрой в 1924—1925 гг. *Нобель* Людвиг Эммануилович (1831—1888) — крупный нефтепромышленник, имевший концессии в России.

Ленинградская поэма. Поэма осталась незавершенной. *Налбандян* Микаел (1829—1866) — армянский писатель, публицист и революционный деятель, последователь Герцена и Чернышевского; будучи тяжело больным, провел три года в заключении в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, после чего вскоре скончался в ссылке. *Муравьев* — Муравьев-Апостол Сергей Иванович (1796—1826), один из вождей тайного общества декабристов, был казнен 13 июля 1826 г. в Петропавловской крепости вместе с Рылевым и Пестелем. *Исаакий* — Исаакиевский собор. *Керенский* Александр Федорович (р. 1881) — эсер, глава контрреволюционного Временного правительства, сметенного Октябрьской революцией. После разгрома под Петроградом войск генерала Краснова, на которые он пытался опереться в борьбе с советской властью, Керенский бежал за границу, переодевшись в женское платье. *Знаменка* — Знаменская площадь (ныне — площадь Восстания).

Город. Впервые напечатана под названием «Кинопоэма» с подзаголовком: «15-летию комсомолии Советской Арменни». *Тартар* (греч. миф.) — ад. преисподняя. *Баиловская тюрьма*

находилась в Баку. *Бек* — помещик. *Мирук-Мелик* — Меликян Мелик (1873—1918), писатель, революционер-большевик. *Дашнаки* — см. стр. 257. *Джугашвили* — подлинная фамилия И. В. Сталина. *Кецховели Ладо* (1874—1903) — активный деятель революционного движения в Грузии, один из создателей и руководителей газеты «Брдзола» ленинско-искровского направления. *Гнуни Богдан* (Кнунянц) (1879—1911) — видный деятель большевистской партии в Закавказье. *Джапаридзе, Спандарян* — см. стр. 258.

**ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
А. АКОПЯНА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Песни труда и революции. Тифлис,
1938.

Избранное. Ереван, 1948.

Избранное. М., 1951.

Сочинения в одном томе. М., 1956.

СОДЕРЖАНИЕ ¹

Акоп Акопян. <i>Вступительная статья А. Салахяна</i>	5
--	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

Честь и труд. <i>Перевод М. Павловой</i>	53	255
Песня. <i>Перевод И. Сельвинского</i>	54	
Сельская баллада. <i>Перевод С. Шервинского</i>	55	
Страхи крестьянина. <i>Перевод А. Глобы</i>	57	
Твое горе облегчу (<i>Из детских воспоминаний</i>). <i>Перевод С. Мар</i>	58	255
«Велико наше горе, печаль беспредельна...» <i>Перевод С. Шервинского</i>	59	256
Родник слез. <i>Перевод А. Глобы</i>	61	
Другу детей (<i>Г. Агаяну в связи с 40-летием его деятельности</i>). <i>Перевод В. Потаповой</i>	63	256
Всякий раз. <i>Перевод Э. Александровой</i>	64	
Зов народа. <i>Перевод А. Гатова</i>	66	

---

¹ Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

Начало весны. Перевод В. Бугаевского	67
Эскизы. Перевод А. Гатова	69
Песня кузнеца. Перевод А. Глобы	71
Рабочий он и — властелин. Перевод А. Гатова	72
Мой мир. Перевод З. Миркиной	75
Еще удар. Перевод А. Гатова	77
Революция. Перевод А. Безыменского	78
Два соперника. Перевод М. Максимова	80
«Я вам говорю: близко время, когда...» Перевод С. Шервинского	82
Буржуйам. Перевод И. Сельвинского	83
Когда в лице твоём... Перевод В. Потаповой	84
Умерли, но не пропали. Перевод А. Жарова	85
Пролетариату. Перевод А. Гатова	87
Привет тебе, солнце! Перевод Л. Длигача	89
И снова я встаю... Перевод А. Безыменского	91
Девятый вал. Перевод А. Гатова	93
Мученики. Перевод Т. Спендиаровой	95
Люблю всей душой. Перевод В. Потаповой	97
На рассвете. Перевод С. Шервинского	99
Песня труда. Перевод С. Шервинского	101
Вечер в деревне. Перевод Д. Бродского	102
В нижних этажах. Перевод М. Светлова	104
В час борьбы. Перевод Т. Спендиаровой	106
Этап. Перевод А. Гатова	107
Болото. Перевод Т. Спендиаровой	108
Сказал я... Перевод Р. Надеждиной	110
Друг, не плачь. Перевод Ю. Баласанова	112

«Она, я знаю, возвратится...» Перевод Р. Надеждиной	113
Страж. Перевод А. Жарова	114 256
Кузнец. Перевод А. Гатова	115
Воспоминания. Перевод Вс. Рождествен- ского	116
Не беда... Перевод С. Шервинского . . .	117

Из элегий труда

1. В медных рудниках. Перевод М. Светлова	118
2. «Легко шагает наш агá шести- десяти лет...». Перевод П. Анто- кольского	119 256
Сейфы. Перевод В. Звягинцевой	121
Националистам. Перевод Н. Тихонова . .	123 256
Черное золото. Перевод П. Антокольского	125 257
В. И. Ленин. Перевод А. Тарковского .	127
Я — пророк. Перевод А. Гатова	128
Красною весной. Перевод А. Гатова . .	130
Одалиска и дева. Аллегория о грузинских меньшевиках. Перевод Демьяна Бед- ного	131 257
Завещание. Перевод С. Городецкого . .	132
Их было двадцать шесть... Перевод В. Бугаевского	133 257
Смерть коммунара. Памяти Е. Шамаха. Перевод Л. Длигача	135 257
Моя любовь (Завод). Перевод С. Шер- винского	138
Ленин бессмертен. Перевод А. Миниха .	139

Из мелодий моей красной родины

1. Баку. Перевод И. Сельвинского . 141 257
  2. Гянджа. Перевод В. Державина . 142 257
- Пробуждение. Перевод С. Городецкого . 144 258
На Дзорагэсе. Перевод В. Звягинцевой . 146 258

Из цикла «Большевизм». Перевод А. Гагова.

1. «Солнечный, радостный мой большевизм...» 148
  2. «Давно, давно я стал большевиком...» 149
- «Весенний полевой цветок...» Перевод
В. Инбер 150
- Революционная баллада. Перевод А. Гагова 151 258
- Ереван. Перевод Т. Спендиаровой . . . 152
- В то утро. Перевод П. Антокольского . . 154 258
- Мне говорят... Перевод В. Инбер . . . 156
- Солнце и труд (Баллада). Перевод
П. Антокольского 157

ПОЭМЫ

- Новое утро. Перевод С. Городецкого . . 163 259
- Из поэмы «Красные волны». Часть первая.
Перевод В. Луговского 179 259
- Равенство. Перевод Д. Бродского . . . 184
- Боги заговорили. Фрагменты. Перевод
В. Луговского 198 259

Ширканал-большевик. Перевод А. Тарковского	206	259
Волховстрой. Перевод Я. Хелемского	214	260
Ленинградская поэма. Фрагменты		
1. Петропавловская крепость. Перевод С. Шервинского	224	260
2. Зимний дворец. Перевод С. Шервинского	226	260
3. Путиловец. Перевод Я. Хелемского	228	260
4. В ту ночь. Перевод Я. Хелемского	229	260
5. Ленинград. Перевод С. Шервинского	231	260
Город. Перевод В. Державина	237	260
Красная Астхик. Перевод В. Звягинцевой	246	
Примечания	253	
Основные издания произведений А. Акопяна на русском языке	262	

Редакционная коллегия

В. Н. Орлов (главный редактор),

М. О. Ауэзов, В. Г. Базанов, Б. И. Бурсов.

В. М. Жирмунский, В. О. Перцов, А. А. Прокофьев,

М. Ф. Рыльский, А. А. Сурков, А. Т. Твардовский

Н. С. Тихонов, С. И. Чиковани,

И. Г. Ямпольский (зам. главного редактора)

Акопян Акоп

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Редактор *И. В. Исакович*
Художник *Л. С. Хижинский*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *М. А. Ульянова*
Корректор *П. М. Вихман*

Сдано в набор 21/1 1961 г. Подписано
в печать 19/VI 1961 г. Бумага 84 × 108^{1/64}.
Печ. л 4,25 + 1 вкл. (6,97). Уч.-изд. л. 7,61.
Тираж 25 000 экз. (1-й завод — 8000).
Заказ № 129. Цена 34 коп.

Ленинградское отделение издательства
«Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

«БИБЛИОТЕКА ПОЭТА»

ВЫХОДЯТ В СВЕТ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

Я. Б. Княжнин. Избранные произведения.

А. А. Шаховской. Комедии. Стихотворения.

А. Н. Островский. Стихотворные драмы.

А. Н. Апухтин. Стихотворения.

Валерий Брюсов. Стихотворения.

«Эстонские поэты XIX века».

«Лирика народов Дагестана».

МАЛАЯ СЕРИЯ

«Поэты-радищевцы». Н. Пнин, В. Попугаев,
И. Борн, А. Востоков.

А. С. Грибоедов. Избранные произведения.

П. П. Ершов. «Конек-Горбунок». Стихотворения.

Н. П. Огарев. Стихотворения.

«Поэты-петрашевцы». А. Баласогло, А. Пальм,
Д. Ахшарумов, С. Дуров, А. Плещеев.

Якуб Колас. Стихотворения и поэмы.

34711